ПИОНЕР

17-18

П 29
34

К борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 17-18

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ
Адр. ред.: ул. Горького, 8. Тел. 5-60-76

Сентябрь 1934

Проба сил

Одна из первых партий комсомольцев — добровольцев Красной армии

У меня до сих пор ярко осталось в памяти воспоминание о нашей первой комсомольской демонстрации.

Дело происходило в октябре 1917 г. в Москве.

Наша комсомольская организация называлась Замоскворецким союзом молодежи III интернационала.

Но было у нас и другое прозвище. Рабочие — большевики Москвы — называли нас «хвостиками», это не было обидно.

— «Хвостики» никогда не подведут. На них всегда можно положиться, — часто говорили наши руководители — взрослые партийцы. И не было поручения партии, которого не выполнили бы комсомольцы первого призыва!

Я в то время работал слесарем на заводе Михельсона и был членом бюро ячейки союза молодежи.

Было мне всего 16 лет, но «хвостиком» я был дисциплинированным.

Как сейчас помню, созвал нас наш секретарь Андрей и сказал:

— У нас всего десять дней, но надо, чтобы демонстрация вышла как следует.

Поработали мы немало.

В эти дни моя мать меня почти не видела, часто и ночевать дома не приходилось: уедешь далеко от дома на завод, задержишься в ночной смене — так там и заночуешь. 15 октября, только рассвело, а я уже вышел на улицу. К 8 утра стали подходить группы молодежи. Собрались мы у столовой студентов Коммерческого института.

«Хвостики» были все на местах.

К 9 часам подошла группа рабочих красногвардейцев.

— Зачем пришли? — кричу Ивану Антоновичу, члену райкома партии. — Или думаете, что подкачаем?

Иван Антонович улыбается.

— Нет, Митя, так, на всякий случай!

Приглядываюсь. У многих под пальто оружие. Я понял. Иван Антонович уже серьезно шопотом продолжал:

— Рабочие сказали: «В обиду в случае чего «хвостиков» не дадим!»

Через 10—15 минут из-за угла послышался цокот копыт. Разведчики бегут и сообщают:

— «Казаки».

С хмурыми решительными лицами подтягиваются к голове колонны красногвардейцев, подготовляясь к бою.

Я посмотрел на наших. Никакого страху. Первая проба сил неплохая.

Казаки вынырнули из переулка, но, видимо, подсчитав силы, решили не рисковать. Повернули лошадей и ускакали.

Студенты, офицеры, буржуазные дамы с ненавистью и страхом смотрели на нас.

АСКЕРОВ

П 29
34

Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт № 736

ХИМИК

Отрывки из воспоминаний К. Гандурина

На конспиративной квартире

Мой приятель Вася Голубев, большевик, электрик по профессии, решил меня познакомить с пропагандистом Химиком.

Голубев, русый весельчак, песенник, содержал конспиративную квартиру.

Он назначил мне день и час явки, сказав, что будет Химик и он меня познакомит с ним.

Я пришел к Голубеву задолго до назначенного времени. Меня одолевало нетерпение. Химик, о котором Голубев рассказывал мне очень много, казался мне существом необыкновенным. Я ждал от него таких наставлений и советов, которые сразу об'яснят мне все неясное и научат всему, что нужно знать большевику.

Конспиративная квартира — две комнаты, одна из них что-то вроде кухни и столовой, другая без определенного назначения. В этой комнате стояли: стол, покрытый зеленой клеенкой, венские стулья и на одном из них швейная машина. Был вечер. Керосиновая лампа под самодельным картонным абажуром давала больше тепла чем света.

В квартиру вошел молодой парень. Одет он был не по-зимнему: в кепке, в пальто без подкладки. Увидев меня, он замялся и вопросительно посмотрел на Голубева.

Голубев сказал, что я «свой». Парень разделся. Он был смугл, рябоват и казался очень энергичным и подвижным. Это был начальник Ивановской большевистской боевой дружины.

Вторым пришел Глебов, видный работник партии, находившийся в то время в Иванове. Это был бледный человек с клинообразной русой бородкой, в пенсне; он разделся, снял пенсне, глаза его блестели, его душил кашель: у Глебова был туберкулез.

Вслед за Глебовым вошел Химик. Он сбросил пальто, шапку, вынул из кармана пальто револьвер, сунул его в карман куртки и, поздоровавшись с товарищами, возмущенно сказал:

— Опять черносотенцы по улицам шляются с портретом царя, «спаси господи, люди твоя» поют. Химик был молод, белолиц, худощав. Он присел к столу. Я разглядывал его. Мне понравились голубые глаза Химика. Он улыбнулся и, обращаясь к начальнику боевой дружины, шутливо сказал:

— Ты, Уралец, проучил бы этих черносотенцев... Опять демонстрации устраивают.

Уралец—так звали начальника боевой дружины — ответил, что дружина плохо вооружена, мало патронов и в дружине новые, только что навербованные люди. С черносотенцами, которые были вооружены и которых постоянно сопровождали и охраняли казаки, такой дружине бороться трудно.

— Я знаю это. Разгромили негодяи организацию,— обратился Химик к Глебову.

Химик рассказал Глебову о черносотенном погроме, об убийствах партийных работников, о вынужденном бегстве из города уцелевших. Погром произошел месяц назад. Черносотенцы царили в городе, терроризируя сочувствующих партии рабочих, выслеживали немногих уцелевших партийцев. Химик и Арсений (Фрунзе) восстанавливали в это время разгромленную партийную организацию. Вскоре после погрома оба они были жестоко избиты черносотенцами. За городом, в рабочем поселке, поздним вечером их задержали казаки, обыскали, нашли в карманах револьверы, приарканили к лошадям, привели во двор полицейского управления и отдали на расправу черносотенцам.

В кружке пропагандистов

Уралец и Глебов ушли. Химик сказал Голубеву, называя его подпольной кличкой:

— Красный, я ночую у тебя. Лучше, как говорится, не дразнить гусей и не попадаться на глаза черносотенцам.

Голубев ответил, что за квартирой слежки нет и ночевать можно. Затем сказал ему обо мне.

— Парню надо мозги выправить. Возьми ты его в свой кружок. Химик внимательно и ласково посмотрел на меня, подумал и сказал:

— Можно взять в кружок.

Он спросил меня о степени подготовки, задал два—три вопроса. Я, несколько робея и смущаясь, отвечал.

Я шел домой. У городской управы, на площади, митинговали черносотенцы. Толпу цепью окружали казаки.

Я думал о Химике. Ласковый веселый пропагандист понравился мне. Особенно понравилась мне его смелость. Он был избит черносотенцами, в городе его знали, ему угрожают новые избиения, а в случае ареста, может быть, даже смерть. Но несмотря на это Химик работал по восстановлению организации со всей своей энергией.

Через несколько дней я был уже на занятиях кружка. В кружке было человек двенадцать рабочих, некоторые из них были людьми возраста солидного. Это был кружок повышенного типа: Химик готовил пропагандистов.

По окончании занятий Химик спросил меня, понял ли я то, о чем он рассказал. Я ответил, что понял плохо. И ответил, видимо, довольно уныло. Химик сказал шутливо: «Помните, у Крылова есть басня, где говорится: «А дуги гнут с терпеньем и не вдруг»?

С занятий мы шли вместе. Выходя из квартиры, Химик зарядил револьвер и положил его в карман пальто. Занятия кружка продолжались месяцев пять. Химик вел их так, что у каждого из нас они оставили очень глубокий след. Если кто-нибудь из нас уставал или плохо усваивал, Химик шуткой, острым словом ободрял падавшего духом товарища. Держался он просто. Мы как-то не замечали, что он образован и знает по сравнению с нами очень много. Он умел передавать свои знания так, что мы не чувствовали ни тени его превосходства над нами. Химик много работал с каждым из нас в отдельности: давал читать книги, в дружеской беседе об'яснял и помогал понять то, что не вполне было усвоено на занятиях кружка.

Вождь подпольной организации

Весной 1906 г. Химик был выбран ивановской организацией на IV с'езд партии и поехал заграницу. Занятия кружка кончились, мы начали работу как пропагандисты. Из кружка Химика я вышел вполне подготовленным для партийной работы.

За это время я узнал, что Химик — студент Московской сельскохозяйственной академии, что он бросил академию ради партийной работы, что фамилия его Бубнов и что он выходец из интеллигентской семьи, которая жила в Иванове.

Летом 1906 г. ивановская организация окрепла и не только оправилась от тех ударов, которые нанесли ей черносотенцы во время погрома в октябре 1905 г., но и выросла.

Химик в это время был идейным вождем ивановской организации. В борьбе против чуждых и враждебных рабочему классу партий он был последователен, методичен и не оставлял противника в покое до тех пор, пока не выбивал из-под ног его всех точек опоры.

Все это время Химик жил жизнью подпольщика-профессионала, общался преимущественно с рабочими, жил среди рабочих. Среди рабочих нашел как бы новый мир, содержательный и интересный. Чувствовалось, что он глубоко верит в силы рабочего класса, уважает его и готов отдать ему и партии всего себя без остатка. Химик был членом ивановского комитета партии и особенно близко стоял к боевой дружине. Он занимается с дружинниками, организует их, совершенствуется вместе с дружинниками в стрельбе. Боевые силы партии его всегда кровно интересовали, и он работал над укреплением боевой и теоретической подготовкой этих, тогда небольших вооруженных сил партии.

В Кохме

В конце 1906 г. я уезжал в Москву. По возвращении я узнал, что ивановский комитет послал Химика в Кохму, большое фабричное село, километрах в десяти от Иванова. В Кохме была партийная организация, но работала она в это время слабо. Химик был послан для того, чтобы выяснить причины слабости кохомской организации и укрепить ее. Мне было поручено провести в Кохме митинг.

Митинг я провел вечером, после митинга отправился на квартиру, где жил Химик. Жил он у партийца-ткача. Квартира—маленькая халупка с огромной русской печью посредине. В десять часов вечера, после работы, с ткацкой фабрики пришли ткачи-жильцы. Хозяин, его жена, четверо или пятеро жильцов—все улеглись спать на полу. Постелью служила, верхняя одежда. Подушками — какая-то ветошь. Хи-

мик улегся тоже на полу. Вместо подушки он сунул под голову валенки, которые снял с своих ног. Часть жильцов поднялась утром в половине четвертого: в этот день они работали в утренней смене. На полу было так мало свободных половиц, что ткачи ходили буквально по ногам спавших. В таких тяжелых условиях жили тогда тысячи ткачей Иванова и окрестных рабочих сел. Химик прожил в Кохме около месяца.

Химик юмористически рассказывал, как ему наступали в темноте на живот собиравшиеся на фабрику ткачи.

Я был арестован, Химик тоже. Встретились мы через несколько лет. Химик был уже вполне сложившимся, зрелым человеком. Он расширил и углубил свои знания и обнаруживал все данные для того, чтобы быть блестящим ученым, марксистом-теоретиком. Но он не сделался кабинетным человеком. Склонность к научной работе в нем попрежнему сочеталась с живым темпераментом революционера, готового в любую минуту встать на баррикады. Химик работает то как агитатор и пропагандист, то как историк партии, то как воин возглавляет на фронтах корпуса Красной армии, то как рядовой ее боец дерется с винтовкой в руках против врагов революции. Химик прекращал работу только в стенах тюрьмы, да и там, думаю, он находил способы продолжать работу.

По выходе из тюрьмы он брался за нее тотчас же, появляясь через два—три часа после освобождения на явочной квартире. Арестовывали его часто, в ссылку посылали тоже не один раз. Но эти непрерывно сыпавшиеся на него удары не сломили его волю и его веру в победу рабочего класса.

При всяких обстоятельствах он был жизнерадостен, насмешлив, остроумен и деятелен.

У Химика на лице никогда никто не видел выражения страдания, хотя в тюрьмах его, как и всех других, заедали вши и клопы, его сажали в карцер, он голодал. Никто никогда не услыхал от него слова уныния, никогда он не усомнился в близости победы рабочего класса.

С винтовкой в руках

Работа Химика, А. С. Бубнова, после того как партия в 1917 г. вышла из подполья, известна всей партии и всей стране. Мне хочется рассказать о встрече с Бубновым в 1921 г. X с'езд партии посылал делегатов драться с мятежниками Кронштадта, которые под руководством меньшевиков и эсеров организовали восстание против советской власти.

Мы сидели в комнате 2-го Дома советов. Комната маленькая, много книг и очень мало таких вещей, которыми обычно окружают себя люди, думающие о комфорте. Бубнов вспомнил какой-то эпизод из ивановской жизни, стал рассказывать, по обыкновению, остроумно и весело, рассмешил меня, смеялся сам и в то же время укладывал в крошечный чемоданчик полотенце и книги. Бубнов собирался ехать под Кронштадт. Он был так жизнерадостен и весел, что казалось, что он собирается ехать не в бой, не под форты мятежной крепости, а в отпуск, лежать где-нибудь на пляже под Гурзуфом.

С первых дней Октябрьской революции Бубнов в огне. Он один из организаторов и руководителей Октябрьского переворота. Он работает в подполье на Украине во время гражданской войны, организует партизанские отряды и руководит ими как член РВС Украины, руководит Красной армией. Он член ЦК партии. Всей этой напряженнейшей работы, казалось бы, достаточно для того, чтобы наложить на человека печать усталости и нерасположения к веселости.

Но Бубнов уезжал под Кронштадт, наполненный радостью бытия, которая звучала в его смехе, остротах, светилась в глазах — таким я знал его в годы подполья.

Вероятно, А. С. Бубнов, находясь на посту наркома просвещения, носит скромную одежду красноармейца только потому, что он с ней свыкся и она удобна. Эта скромная одежда воина пролетарского государства говорит об исключительно ярком боевом жизненном пути наркома-большевика. Она говорит и о том, что нарком, сегодня возглавляющий дело народного просвещения, завтра может положить на плечо винтовку и отправиться в бой против врагов рабочего класса и партии.

В школу на своем автомобиле

Толпа ребят бежала по улицам небольшого приволжского городка Васильсурска. Из ворот выскакивали собаки и, громко лая, мчались за ребятами.

Что же вызвало переполох на обычно тихих улицах Васильсурска? Автомобиль Вани Алексина, который он сам себе сделал.

Как-то летом к Васильсурску под'ехали по Волге два красных катера юных автодоровцев. Они привезли с собой педальные автомобили и катали на них ребят. Ване очень понравились автомобили, и он выпросил у автодоровцев чертежи автомобиля.

И вот он выехал на самодельном автомобиле на улицу, как вдруг при повороте за угол оборвалась веревка, соединявшая руль с колесами, и Ваня вместе с автомобилем тихо лег на бок. Пришлось под насмешки приятелей тащить автомобиль на себе обратно. Веревка была заменена более крепкой, и сейчас Ваня ездит в школу на собственном автомобиле. По его примеру начали и другие ребята изготовлять такие же педальные автомобили.

С. Григорьев

Мисс Фырк

Рис. А. Брея

Важная туристка

Она прилетела к нам, на Лисий остров, на гидроплане. Шубка на ней была великолепная: черная с серебром. Хвост наотлете. Мы ее приняли внимательно и с почетом, но она на все фыркала и, ощерив зубы, насмешливо улыбалась. Если бы она была человеком, можно было бы подумать, что она начиталась там, за океаном, в Америке, враждебных СССР газет.

Каждому зверю, когда он к нам поступает, мы обычно тут же даем новое имя. Новенькая американка получила имя мисс Фырк.

— Вы устали с дороги, мисс Фырк,—ласково увещевал лисицу наш старший зверовод швед Ларсен, — отдохните и успокойтесь. Это ваш дом. Что другое, а уж такого дома у вас в Америке быть не могло! Вы здесь имеете три комнаты; свой будуар и детскую. Она понравится вам. Пожалуйста, мисс, прошу!

Лисица фыркнула.

— Почему, тов. Ларсен, ты с ней говоришь по-русски? Она едва ли тебя понимает,—пошутил я.— Ты попробуй по-английски.

— Она скорей привыкнет к советской жизни, — сурово ответил Ларсен.

Он выпустил лису в клетку. Та опрометью кинулась к домику, юркнула на крылечко, в сенцы, и только хвост остался снаружи. Она принюхивалась к запаху дома.

— Не беспокойтесь, мисс Фырк,—успокоил нашу новую питомку Ларсен, — в доме сделан полный дизенфекшен. Там нет блох, ручаюсь. Отдохните, а мы подождем, когда вы нам закажете по телефону обед... У нас обед через час. Вам сегодня исключение: когда захотите, — стоит вам только сказать... отдыхайте...

Ларсен не шутил, говоря, что мисс Фырк может заказать обед по телефону. Каждый лисий дом у нас, на острове, соединен с центральным домом нашей станции телефонной линией. Впрочем, мы называем телефон не телефоном, а лисофоном в отличие от телефона, который связывает наш островок с остальным миром. Связь по лисофону односторонняя: в каждом лисьем домике поставлен микрофон, а у нас в доме коммутатор, и мы можем, когда вздумается, соединяться с любым домиком и, надев наушники, послушать в телефон, что там творится. Лиса, конечно, не может нас вызывать звоном, и мы лисе ничего сказать не можем—только выслушиваем ее. Однако бывает, что мы выслушиваем какую-нибудь лису часто, иногда даже много раз в течение нескольких часов, например, когда ждем от лисы щенков. Новеньких тоже слушаем чаще чем старых наших питомцев.

Ларсен то и дело отрывается от работы в доме, чтобы послушать, что делает в своем особняке мисс Фырк.

— Скребется... Выбежала... Вбежала. Выбежала опять... Интересный экземпляр. Диковата! Ага! Улеглась. Вздохнула. Засыпает... Обедать не желает... Подождем.

Сватовство Франта

Мисс Фырк наделала нашему питомнику довольно хлопот. У ней оказался коварный и неукротимый характер. Она отчаянно сопротивлялась, когда ее поймали в сетку, чтобы снести в «зубоврачебный кабинет».

Все же Ларсен и его помощник справились с ней и крепко взяли в руки, одетые в толстые стеганые рукавицы.

— Не дурите, мисс,—уговаривал ее Ларсен,—мы не сделаем вам дурно или вредно.

В «зубоврачебном кабинете» у мисс Фырк скусили щипцами все четыре клыка. Это мы делаем со всеми новичками, иначе лиса может нанести и людям и своим товаркам опасные раны, бывали случаи, что перед лисьими клыками сдавала даже железная проволочная решотка—ограда лисьих клеток.

Затем у мисс Фырк осмотрели уши, нет ли у ней в ушах клещей. Их не оказалось, и наша новая питомка избежала мучительной операции—чистки ушных раковин. Эта чистка повторяется у нас периодически, так как клещи доставляют лисам много мучений, и они в кровь раздирают себе уши. Старая лиса, зная по опыту, что чистка ушей ей на пользу, обычно спокойно лежит на столе, а мисс Фырк рвалась все время, вероятно, опасаясь, что ей пришел конец.

— Теперь, мисс, мы вас попудрим немного, и это весь ваш туалет.

Лису посыпали порошком от блох и отнесли снова в клетку.

Вскоре мы выдали мисс Фырк замуж. Подобрать ей пару оказалось не просто. Она презрительно фыркала на всех женихов. А иные из них попробовали и ее зубов. Ларсену пришла счастливая мысль:

— Этот Франт будет ей хорошим мужем. Он ее близкий сосед!

Франт прибыл к нам с Дальнего Востока. Мисс Фырк — с Аляски. На воле их разделяло только небольшое пространство — Берингово море. Они в общем: мисс Фырк с запада на восток, а Франт с востока на запад — совершили кругосветное путешествие, чтобы попасть в наш питомник—на Беломорском островке.

Сватовство Франта увенчалось успехом. Мисс Фырк его признала за своего. Нас она попрежнему дичилась. Когда мы идем к зверям, то обычно несем им лакомства. Завидя людей, лисы подбегают к проволочным оградам клеток, становятся на задние лапки, теребят сетки когтями, скалят зубы, облизываются. Франта Ларсен приручил совсем. Когда Ларсен заходит в клетку, Франт бегает вокруг него собачонкой, нюхает карман. Ларсен достает из кармана кусочек сырого мяса и вытягивает руку на уровне плеча. Франт вспрыгивает Ларсену на плечо и по руке добирается до лакомого кусочка.

— Ну что ж ты не ешь?—удивляется Ларсен.—Ого, какой ласковый муж!

Франт спрыгивает с плеча Ларсена и несет кусочек в дом, своей жене...

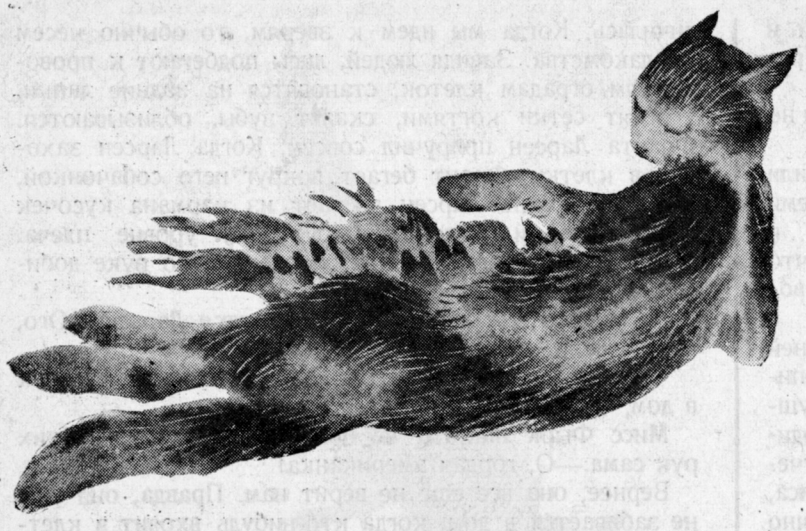
Мисс Фырк никогда не брала угощения из наших рук сама.—О, гордая американка!

Вернее, она все еще не верит нам. Правда, она уже не забивается в дом, когда кто-нибудь входит в клетку, но после визита к ней приходится пятиться к двери задом, как это делали когда-то придворные на приеме у королей... Стоит повернуться к мисс Фырк спиной, она прыгает и впивается в сапог зубами, норовя укусить.

У лисофона

В феврале мисс Фырк стала женой Франта—в начале апреля надо было ждать от мисс Фырк приплода. По тому, как она полнела, мы ждали приплода большого. Мисс Фырк стала ленивой и добродушной. С мужем ее мы разлучили: не всегда хороший муж бывает хорошим отцом. Теперь за клеткой мисс Фырк как, впрочем, и за клетками других лис, от которых мы ждали щенят, Ларсен ведет особо внимательное наблюдение. Ударили крепкие морозы. Ларсен решил приступить к отоплению лисьих домиков. Мы их отапливали посредством керосиновых ламп, тщательно изолированных от прямого касания лис.

Завидя людей, лисы подбегают к проволочным оградам клеток.



Кормилица Мурка с питомцами.

В ночь, когда ощенилась мисс Фырк, мы дежурили вместе с Ларсеном и поочереди прислушивались, включая лисофоны, к тому, что творится в лисьих домах.

— Сегодня ощенится непременно,—заключил Ларсен,—вьет гнездо... Слушай... Учи себя!..

Я прислушивался к тому, что делает мисс Фырк: она вздыхала, тихонько и нежно взлаивала, скреблась и топталась, кружась на месте в клетке...

— Слушай внимательно!—учил меня Ларсен.—Это будет очень вздорная мать...

— Она затихла, — докладываю я, слушая в лисофон.—Должно быть не в эту ночь...

— Я уверен, что теперь... Дай, послушаю я. Ну конечно, родит... что ты, не слышишь? Один уже скулит...

Мы поделили с Ларсеном наушники и оба слушали, каждый на одно ухо. Теперь и я уловил едва слышное, похожее на птичий свист попискивание щенка в будке мисс Фырк...

Ларсен положил телефон и надел малахай, берет стеганые рукавицы.

Я продолжаю слушать:

— Слушай, Ларсен, по-моему, она вышла из будки.

— Идем скорей...

Мы поспешно оделись, тщательно вытерли ноги о пропитанную дезинфекцией подстилку у порога, чтобы не занести заразы в дом мисс Фырк, и вышли на волю.

Кормилица Мурка

Не умаляя синего сверканья звезд, светил высоко в небе ущербный месяц. Снег звонко хрустел у нас под ногами, когда мы бежали к клетке мисс Фырк...

— Это дура! Это глупая! Ну что ж ты наделала? Ай-ай!—приговаривал Ларсен, присматриваясь к тому, что творится в клетке мисс Фырк...

Не обращая на нас внимания, мисс Фырк копошилась в снежном сугробе, наметенном в ее клетке меж трех берез, что-то там устраивая. Мы вошли в клетку. Грозно ощерив зубы (увы! — клыков уже нет), мисс Фырк смотрела на нас зелено-огненными глазами из снежной норы.

Мисс Фырк отчаянно сопротивлялась, когда мы ее брали из гнезда, куда она перенесла из домика своих щенков, зарыв их в снег. Взяв лису в сетку, мы достали щенят из снега еле живых. Их оказалось восемь штук!

— Рекорд! Я говорю, она сделает рекорд,—радостно приговаривал Ларсен,—но это глупая... мы их не можем здесь... ты их заморозишь!..

Покинув мисс Фырк в клетке, мы забрали лисенят домой, чтобы отогреть и накормить.

Вслед нам мисс Фырк яростно завыла. Стоя на задних лапах у решотки, она с воплем грызла сетку. Всполошилось все соседство. Лаял и выл в своей клетке рядом Франт. Переполох поднялся во всем лисьем поселке, перекинулся нашим сторожевым псам. Они своим дружным лаем подняли на ноги всех людей. Навстречу мне с Ларсеном бежал заведующий питомником.

— Что такое?

— Да ничего, Иосиф Павлович, мисс Фырк ощенилась, зарыла в снег. Несем домой...

— Сколько?

— Восемь!

— Молодец! Но лучше бы меньше, да лучше!

В доме оказалась в сборе поднятая тревогой вся наша станция, не исключая двух микроскописток из лаборатории...

— Лучше бы меньше, да лучше!— повторил Иосиф Павлович, разглядывая лисенят.— Слабы! Одна Мурка не осилит!..

Мурка—одна из наших кошек-кормилиц. Дело в том, что часто у лис не хватает молока, и мы разводим и держим нарочно кошек, подкидывая им голодающих лисенят. Котят, увы, приходится топить.

Мурка окотилась на днях. Ожидая, что скоро ощенится мисс Фырк, мы заранее определили Мурку в кормилицы.

Мурка выкармливала лисенят не впервые. Она приняла щенков мисс Фырк сразу и охотно. Лисенята принялись сосать, а Мурка перебирала передними лапками и, томно сияя счастливыми глазами, что-то бормотала по-кошачьи. Лисенята отвечали писком.

— Все это хорошо. Но у Мурки не хватит молока. И что нам делать с этой Фырк? Что она еще там творит.

Мисс Фырк неутешна.

— Она плачет,— сообщила, слушая в лисофон Анна Петровна, наш биолог,— и в конце концов едва ли целесообразно так грубо нарушать материнский инстинкт!

— Чего же вы хотите? Она их заморозит всех!— сказал Ларсен.

— Это сантименты! Благодарю, не ожидал! От вас именно, Аннушка! — прибавил Иосиф Павлович...

— Я уверена, что она успокоится, если мы ей вернем, хоть не всех...

— Ну сколько?

— Хотя бы трех!

— В конце концов это женское дело. Я согласен двух! — отрезал Иосиф Павлович...

В клетку мисс Фырк снесли пару лисенят, и Анна Петровна оказалась права: мисс Фырк приняла щенят и больше не вытаскивала их из домика.

К утру все как будто успокоилось. Однако после оказалось, что мы сделали какую-то ошибку.

След простыл

Лисофон нас обманул на этот раз. К утру поднялся норд в семь балов и началась секущая метель. Слышно было в лисофон, как ударяют в крышу лисьей будки обломки сорванных ветром ветвей, вой ветра и шипенье секущей в стенки домика метели. Эти звуки покрыли то, что нам надо было слышать. А утром, на

рассвете, когда мы с Ларсеном пришли к клетке мисс Фырк, около решотки мы увидали клочья шерсти и кровь. Домик мисс Фырк был пуст. Ей удалось оборвать зубами несколько проволок в сетке изгороди — всего несколько ячеек. Но лисе только бы просунуть голову, а там она уже пролезет! Изранив себя

Франт вспрыгивает Ларсену на плечо и по руке добирается до лакомого кусочка.

о торчащие концы проволоки, мисс Фырк ушла на волю и унесла с собой обоих лисенят. Метель замела все. Лисицы след простыл.

Собаки не могли идти по глубокому рыхлому, новому снегу. Ларсен побегал на лыжах по соседним островам — но где же! Мисс Фырк пропала.

Мурка добросовестно выкармливала осиротелых щенков. Они прозрели, начали играть и резвиться, затевая меж собой драки. Лисенята растут заметно быстрее котят. От матерей мы их отнимаем на третьем месяце, но кошке не выдержать такого срока: не хватает молока, да и авторитета не хватает: они скоро начинают покусывать свою кормилицу, если что не по них. Конечно, кошка не остается в долгу, пускает в дело когти: одно другого стоит!

Среди детей мисс Фырк один оказался послабее остальных. И Мурке и нам приходилось следить за тем, как бы братцы не загрызли хилого лисенка, что на воле у лис часто бывает. Да и у нас, в питомнике, когда малышей по третьему месяцу отнимают от матерей, в общем загоне для лисенят слабому достается немало рывков зубами, и если не углядишь, то ему грозит смерть.

О бегстве мисс Фырк мы дали знать по телефону на соседние острова. На материк по льду она едва ли бы пустилась, ведь ей приходилось, наверное, идти перебежками, унося щенков по одному.

Прошло две недели со дня побега мисс Фырк и с Балаганного острова по телефону нам сообщили, что в капкан, поставленный на волка, попала серебристо-черная лисица. Нетрудно было догадаться, что это наша беглянка. Ее доставили к нам с перебитой капканом передней правой лапой. Пришлось ей ампутировать ногу. Она перенесла операцию спокойно, не срывала повязки, хотя, видимо, страдала от аптечного запаха бинта. Подкормив мисс Фырк и залечив ей ногу в лазарете, мы поместили ее в прежнюю клетку. Пара лисенят, лис и лисичка, унесенных ею при побеге, бесследно погибли, зарытые ею где-нибудь в снегу, когда она отправилась на поиски еды для себя (наверно молоко у ней от голода пропало) и угодила в капкан.

По клетке и домику, по соседству с Франтом мисс Фырк, видно, живо вспомнила пережитое и подняла опять тоскливый вой. И не переставала выть и лаять, пока мы не вернули ей, отняв от Мурки, пятерку лисенят.

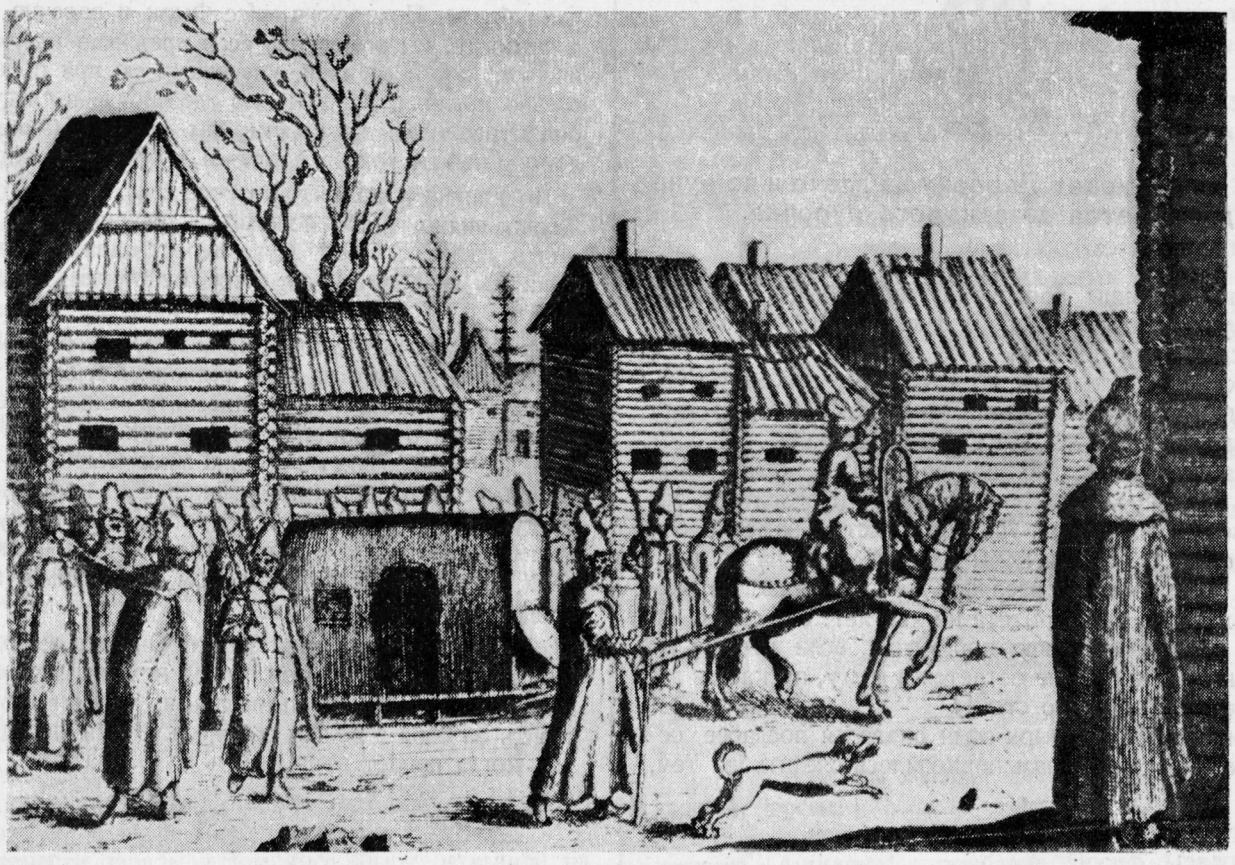
Мисс Фырк их не сразу признала, долго ворчала, переваливала с боку на бок, вынюхивала запах кошки, фыркала, вылизывала, но лисенята—зная свое—лезли сосать—и это успокоило мисс Фырк.

Включая лисофон из домика мисс Фырк, мы слышим теперь только блаженное чмоканье да иногда возню и драку за сосок, который кажется завистнику богаче других молоком. За дракой слышен сердитый оклик матери, и жалобно скулит потом обиженный, пока не найдет опять своего соска...

«Хилого» мы оставили Мурке. Она его выходила: по весу и другим статьям он вышел нехуже вскормленных матерью. Можно не сомневаться, что он сумеет постоять за себя в общем загоне, куда мы посадим лисенят, когда придет пора отнять их от матери...

ТРИ МОСКВЫ

Улица с решотками



300 лет назад, при царе Алексее Михайловиче, Москва была настоящей деревней. На улицах в беспорядке стояли бревенчатые избы с узкими окнами. Весь город был деревянный. Смолистые избы стрельцов, приказных и ремесленников тесно лепились друг к другу, отчего часто случались пожары, пожиравшие целые слободы.

Население Москвы было очень пестро и разнообразно. В XVII в. здесь жили царь со своей многочисленной челядью, бояре, стрельцы, приказные (их было великое множество), купцы, ремесленники, иностранцы и огромное число крепостных.

Боярская столица была до крайности грязна. Для пешеходов на наиболее людных площадях и улицах вместо тротуара были устроены деревянные мостки, а на мостовых вместо камня лежали сосновые бревна одно возле другого. Ночью главные улицы запирались «решотками» — поперек положенными бревнами. У «решоток» становилась стража и не позволяла ходить по улицам позднее урочного часа. Боярские телохранители бродили вокруг домов своих господ и били палками в железные доски. Но грабители все-таки проникали в город, и ни одна ночь не проходила без воплей, грабежей и убийств.

Фонари и каша

Всего 50 лет назад в Москве не было ни автомобилей, ни трамваев. По пыльным площадям и улицам катились дребезжащие таратайки извозчиков или лакированные экипажи дворян и купцов. Центр города освещался керосиновыми, а глухие переулки окраин — масляными фонарями. Чистили и зажигали фонари пожарные. Часто случалось так, что конопляное масло, которое отпускалось для фонарей, пожарные с'едали с кашей, и тогда улицы оставались без света.

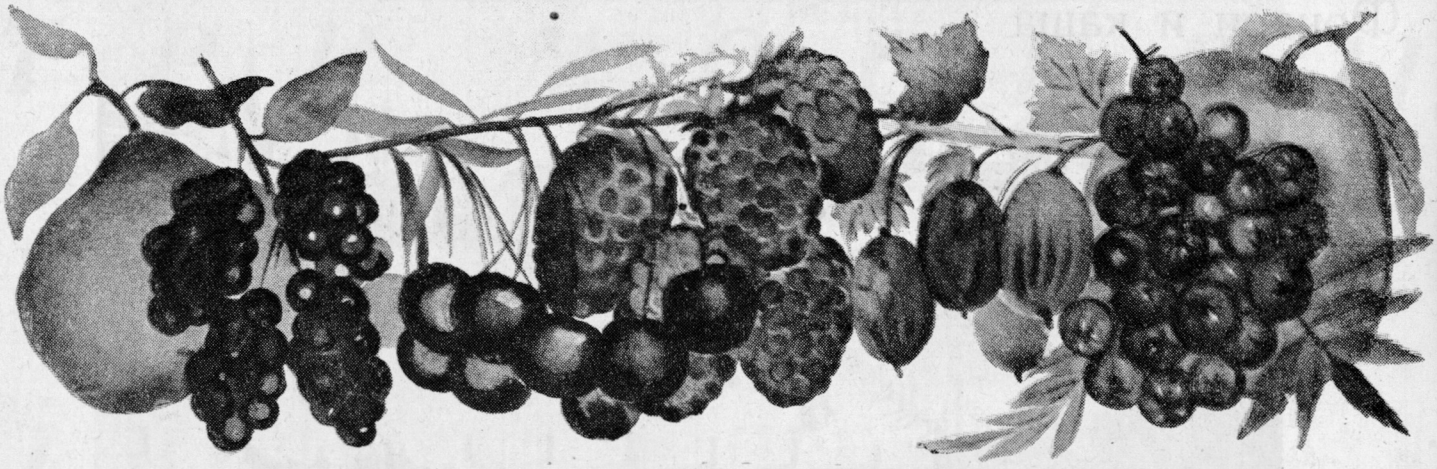
Столица Союза

Сейчас Москва резко меняет свой облик. Лачуги сменяются великолепными зданиями. Пустыри, площади, Москворецкая набережная покрываются садами, бульварами с цветниками и газонами. Извозчичьи клячи с дребезжащими таратайками заменяются автобусами, троллейбусами. Строится мощный метро с великолепными вокзалами и станциями.

Над Москва-рекой возвысится грандиозный Дворец советов с колоссальной статуей Ленина. Москва-река соединится с Волгой, и столица пролетариата станет портовым городом.

За перестройку Москвы взялись 180 тыс. московских большевиков, 700 тыс. московских пролетариев. Они превратят Москву в столицу, достойную социалистического государства. Так сказал тов. Каганович — вождь московских большевиков.

На углу ул. Горького и Охотного ряда сейчас строится громадное здание — гостиница Моссовета. Рядом с гостиницей, в старом доме (его не видно: его закрывает дом, стоящий против гостиницы) помещается редакция журнала «Пионер». Дом этот скоро сломают, а редакция журнала «Пионер» переедет в новое многоэтажное здание—«Дом «Правды».



СМЕЛЫЙ БОТАНИК

(К 60-летию научной деятельности)

60 лет назад в Козлов приехал из Тулы юноша, только что окончивший гимназию, и поступил конторщиком на железнодорожную станцию. Страстный садовод, с детских лет мечтавший о разведении фруктовых садов, он снял в аренду домик с запущенным садом и в этом садике в свободные от службы часы стал заниматься садоводством.

В те времена садоводы и даже ученые рабски подчинялись природе. В южных странах под ярким солнцем росли ароматные груши и яблоки, миндаль, виноград, абрикосы и персики, а в Козлове под тусклым северным солнцем росли анисы, скрижапели и прочая кислятина. «Что делать? Таков закон природы»,—говорили садоводы и покорно принимали то, что им давала природа. А скромный конторщик И. В. Мичурин замыслил дерзкое дело — заставить природу производить не то, что ей хочется, а то, что нужно человеку.

Он бросил службу, купил небольшой участок земли возле Козлова и со всей энергией принялся за осуществление своих замыслов. После многолетних опытов с помощью гибридизации он вывел на севере южные груши, миндаль, виноград, абрикосы и персики. Он стал хозяином и повелителем природы. Он научился от разных растений отбирать их лучшие качества и создавать такие растения, каких до него еще не было нигде во всем мире. Горькую рябину, которая в изобилии росла во всех садах и никогда не употреблялась в пищу, он скрестил с грушей, с мушмулой, с боярышником, и рябина стала приносить сладкие, вкусные ягоды, из которых можно варить варенье и все, что угодно.

Ягоды черемухи свисают с веток виноградными гроздьями, а на ветках вишневника ягоды одиноко висят по одной, по две штуки. Он скрещивает японскую вишню с виргинской черемухой, и вишня растет, как черемуха, гроздьями. Плодородность вишни увеличилась в несколько раз.

До последнего времени ученые, знавшие природу больше по книгам и все еще верившие в ненарушимость законов природы, относились с большим недоверием к Мичурину и величали его «сумасшедшим фокусником». Но это не смущало Мичурина. Насмешливым маловерам он отвечал:

— Беритесь за работу, ставьте опыты, наблюдайте сами и проверяйте.—И продолжал свое дело.

За 60 лет своей упорной работы он вывел свыше 350 новых плодовых сортов. Причем большинство этих сортов он вывел в советские годы, когда советская власть предоставила ему все возможное для успешной работы.

Советская власть этого величайшего ученого за его труды наградила орденом Красного трудового знамени и орденом Ленина и в честь его город Козлов переименовала в город Мичуринск.

Сейчас Ивану Владимировичу 80 лет. А он еще полон энергии. Он все еще упорно работает, пишет книги, статьи, передает свой многолетний опыт молодым ученым, садоводам-колхозникам, отдает последние силы на то, чтобы продвинуть сады далеко на север — в Хибины, в Сибирь, на Урал, в рабочие центры, чтобы снабдить всех трудящихся фруктами.

Немецкие крестьяне XVI в.

Больше четырехсот лет назад немецкие крестьяне с оружием в руках восстали против своих угнетателей — князей, рыцарей, дворян и монархов, которым принадлежали все земли. Крестьяне платили высокие налоги и бесплатно работали на своих господ. Они были крепостными.

Вождем крестьян был Томас Мюнцер.

Король и князья собрали большое войско, которое было вооружено лучше чем крестьяне. Крестьяне были разбиты. Сначала в Южной и Западной Германии, потом — в Средней.

Берта Ласк

ДВА ГОНЦА

Рассказ из эпохи крестьянских войн в Германии.

Перевод с немецкого ЗЕЛЬДОВИЧ

Монах и подмастерье

Это было в мае 1525 г. Дул сильный ветер. Дрозды и зяблики пели свои весенние песни. На полях работали женщины и дети. Мужчин было мало. Дорога графства Гессен выходила из елового леса и белой лентой прорезала ржаное поле. Два молодых человека, одетые как городские подмастерья, шли на север. У одного, по имени Карл, была на голове большая шляпа. Другой, с большой копной белокурых волос, был пастухом, убежавшим от своего господина, богатого аббата. Они всматривались вдаль, разыскивая деревню, где они могли бы передать вести, с которыми их послали. Они были гонцами восставших крестьян и шли с юга, где вооруженные крестьяне были разбиты королевскими войсками.

Навстречу им попался странствующий монах в коричневой рясе, подпоясанный веревкой и в деревянных сандалиях. Он странствовал и просил подаяния для монастыря.

Монах попросил милостыню у подмастерьев. Они дали ему медную монету и кусок хлеба, чтобы не возбуждать подозрения.

— Спасибо во имя господа нашего, Иисуса христа,— сказал монах.— Вы набожные юноши. Да благословит господь ваш труд.

— Мы тоже надеемся, брат, что бог благословит наше дело,— ответил пастух.

— Кто вы такие? Где работаете? — спросил монах, который пошел вместе с ними.

— Я работаю подмастерьем у суконщика,—а мой спутник,—он указал на пастуха, — портной.

— Я так и думал,—сказал монах.—У вас очень нежные руки. Суконщики и портные — дельные люди. Но нехорошо, когда вас много, потому что люди становятся суетными и горделивыми и начинают думать только о нарядах, а не о спасении души.

— Так, так,— сказал Карл.— А ты больше ни о чем не думаешь, кроме как о боге и спасении души?

— Я думаю день и ночь о тягостной жизни на земле и о радости на небе.

— И поэтому забываешь о работе,— сказал пастух.

— Я живу в бедности, как вы видите, ношу убогую рясу и молю за вас господа.

— Я знаю ваших братьев,— сказал Карл.— Они жрут, пьют, притесняют народ, заставляют крестьян работать на себя и сдирают с них кожу во славу господа как со скотов.

— Кто вы такие? — воскликнул монах. — Вы, наверное, ходите повсюду и подстрекаете народ к восстанию.

— Мы не подстрекаем народ,— сказал Карл,— ваша жизнь подстрекает. Разбой ваших князей и рыцарей взбунтовали народ.

Они подошли к городу. Около города находился большой монастырь, окруженный полями и лесами, принадлежавшими монастырю. Около монастыря были расположены большие сараи, амбары и хлевы. Из монастыря в город двигалось шествие. Настоятель должен был служить обедню в городской церкви. Он был толст как винная бочка. Его плащ, расшитый золотом, сверкал и переливался на солнце. За настоятелем шло несколько священников, толстых и краснощеких. Они тоже были одеты в дорогие одежды.

Монах поспешно отошел от гонцов и присоединился к шествию.

В лесу

Странники не пошли в город. Они обогнули его. Дорога шла дубовым лесом. Вдруг из леса донеслись жалобные крики. Несколько крестьянских мальчиков с перепуганными лицами с криком выбежали из лесу. Они гнали свиней. За ними бежал лесной сторож с огромной суковатой палкой.

— Я научу вас, как гонять свиней в ландграфский лес, мужицкое отродье! — кричал сторож.— Я уже говорил вам: если поймаю еще раз,— свиньи мои.

Сторож погнал свиней обратно в лес. Старуха, ковыляя на костылях, погрозила кулаком сторожу.

— Мерзавец, разбойник, слуга грабителей! Украли наш лес, а теперь воруете наших свиней.

Сторож крикнул ей:

— Не ори! Потеряешь последний зуб, старая ведьма.

— Подожди, получишь от нас красного петуха,

Крестьяне-мятежники убивают рыцаря. На знамени мятежников общий символ всех восставших—башмак.

Ландскнехты.

живодер! Подожди, мы поджарим тебя на вертеле как свинью,—закричала старуха, потом повернулась к гонцам и сказала:

— Хуже язычников наши князья и священники Когда все пойдут против этих волков и живодеров, я со своими костылями буду впереди. Глаза им выцарапаю. Горло перережу!

Подошли два дровосека с топорами на плечах.

— Она правду говорит,— сказал один из них.— Я думаю, мой топор пригодится не только для рубки деревьев. Говорят, что крестьяне собрались и начали борьбу в Бадене, Вюртемберге, в Баварии и Франконии. Кто знает, может быть, скоро покраснеет небо от горящих замков и у нас, в Гессене, Тюрингии и в Гарце.

Карл снял шляпу и вытер пот со лба. Старуха посмотрела на него и сказала:

— Опасайтесь подозрительных людей, дети, не шпион ли это?

— Не бойся, матушка,— ответил подмастерье.— Я вместе с крестьянами и со всеми угнетенными. Ваше дело — мое дело. С вами хочу я жить, бороться и умереть.

Дровосеки пожали ему руку.

— Если ты честно говоришь, добро пожаловать. Это Томас Мюнцер из Мюльхаузена, священник как и ты.

— Томас Мюнцер наш брат,— воскликнул молодой дровосек,— наш друг и товарищ. Его слова летят как молнии с юга на север. От его слов вспыхивают монастыри и замки, встает порабощенный народ и бьет угнетателей. Мюнцер послал секретных гонцов ко всем, умеющим носить оружие, чтобы они явились к нему на третью ночь.

Подмастерье схватил руку дровосека и воскликнул:

— Я тоже иду к моему брату Томасу Мюнцеру, который во имя любви к народу поднял меч мести и справедливости.

— Ты гонец? — спросил молодой дровосек.— Откуда ты идешь?

— Я иду из Швабии,— ответил подмастерье и его лицо омрачилось.— Много страшного видели мои глаза. Люди хищнее волков и кровожаднее тигров. Но не будем тратить времени. Нам нужно идти, чтобы поспеть к нашим братьям на третью ночь.

Они попрощались и условились встретиться на третью ночь в лагере Томаса Мюнцера.

Ландскнехты*)

На следующий день оба наши гонца шли по проселочной дороге на северовосток. Вдруг они услышали громкое пение и смех и увидели четырех ландскнехтов в пестрых куртках и в шляпах, украшенных перьями. У двоих были мечи и длинные пики, у остальных— ружья.

— Добрый день, веселые ландскнехты,—воскликнул Карл.— Куда вы спешите?

— Здравствуйте, подмастерья, — сказали ландскнехты,— а почему бы нам не быть веселыми? Мы получили деньги на руки и выпили как следует. Мы торопимся, потому что ландграф фон-Гессен ждет нас.

— Этому мы охотно верим. Только зачем графу столько ландскнехтов? Разве турки напали на его владения или началась война с французами?

— Вы глупые парни! — воскликнули ландскнехты.— Разве не знаете, что происходит в стране? Мы идем охотиться на крестьян. Мы были на юге и разбили швабских крестьян. Теперь мы идем к ландграфу, чтобы бить гессенских, тюрингенских и гарцских крестьян.

— Так, так! Значит, вы повсюду бьете крестьян. Они, наверное, здорово насолили вам? Избили вас и разгромили ваше имущество?

— Чем нам могут насолить жалкие рабы? Ничего они нам не сделали. Но нам нужны деньги, нужен господин, который бы нам платил. Разве может крестьянин платить нам? У него самого нет ничего. С пустым желудком нелегко живется. На, пей! Это настоящее швабское вино. Держи! — ландскнехт протянул фляжку Карлу.

— Швабское вино как кровь,— сказал Карл,— нет, мне не хочется пить. Скажи мне, ландскнехт, кто был твой отец?

---

*) Ландскнехты — наемные солдаты германских феодалов.

Восставшие крестьяне.

Вождь восставших крестьян Томас Мюнцер.

— Мой отец был крепостным бамберского епископа.

— А твой отец?

— Мой отец был бондарь-бедняк.

— Значит, вы продаете своих братьев-крестьян за медные пфенниги,— сказал Карл.

Ландскнехты покачали головами и сказали:

— Ты что ли нас одевать и кормить станешь, если не будет господ?

С этими словами они пошли дальше. Только один ландскнехт остался и крикнул своим товарищам:

— Идите вперед, я догоню вас!

Когда ландскнехты отошли, оставшийся сказал:

— Не хочу предавать своих братьев. Я пойду к честному Томасу.

— Брат! — воскликнул Карл и пожал руку ландскнехта.—Мы встретимся с тобой у Томаса Мюнцера на третью ночь.

На крестьянском дворе

Поздним вечером странники вышли из большого леса на поляну. Было холодно и ветрено. Шел дождь. Странники совершенно измокли и мечтали о пристанище. Вдруг они увидели крестьянский двор. Домишко совсем почти развалился. Крыши не было. Только низкий хлев был в полном порядке.

— Здесь, наверное, никого нет,— сказал Карл,— мы можем расположиться в хлеву.

Когда они открыли дверь хлева, то увидели корову, а рядом на тонком сеннике лежала женщина с четырьмя детьми. Женщина встала, спросила, кто они, и разрешила им переночевать в хлеву.

— Где твой муж? — спросил один из гонцов.

Женщина испытующе посмотрела на него.

— Кто вы такие?

Пастух вынул небольшой молоток из кармана и три раза ударил им в стену.

— Если Томас Мюнцер с молотком ваш товарищ,— сказала женщина,— то я могу сказать вам правду: мой муж пошел к Мюнцеру.

Наутро странники собрались и зашагали густым лесом дальше. Они шли узкими тайными тропами, потому что на дорогах крестьян подстерегала ландграфская стража. Странники встретили группу крестьян, вооруженных пилами, кольями и топорами и идущих к Томасу Мюнцеру. Они сказали крестьянам пароль.

Крестьяне ответили радостными возгласами.

— Идем, братья! Присоединяйтесь к нам! — воскликнул старик-крестьянин.— Скоро будет великий бой. «Нам нечего бояться!» — сказал Томас Мюнцер.

— Вперед, на последний бой! — закричали крестьяне.

Битва у Франкгаузена

Все собрались на горе у Франкгаузена, в лагере Мюнцера. Крестьяне были плохо вооружены. Мало было орудий и ружей. Обоз был расставлен на горе таким образом, чтобы служить защитой от пуль. Саксонские и гессенские ландскнехты окружили крестьян. Было заключено перемирие. Но несмотря на это враги все же наступали. Князья предали крестьян как всегда. Мюнцер стоял среди крестьян и говорил.

Он кивнул Карлу и сказал окружающим:

— Этот брат расскажет вам о Вюртемберге. Скажи, что там происходит.

— В Вюртемберге крестьянское войско разбито. С крестьянами жестоко поступили. Немногим удалось бежать. Но в Бадене и Франконии крестьяне продолжают еще бороться и биться с ландскнехтами.

— Наш лозунг «Победа или смерть!» — воскликнул Мюнцер.

— Победа или смерть! — повторили крестьяне.

Первые ядра гессенского ландграфа попали в группу крестьян и в обоз. Часть крестьян бросилась к орудиям, стоявшим за заграждением. Другие стреляли из ружей и бросали копья. Но многие только пели и молились, потому что думали, что бог дарует им победу.

Но бог, как всегда, забыл бедных крестьян. В короткое время их рассеяли хорошо вооруженные войска короля. Большинство крестьян было убито, а Томас Мюнцер взят в плен и казнен.

Лагерь на Вокше

Повесть Г. Замчалова

Рис. П. Кузмичева

Миллионы

(продолжение)

XI

Большая партия, десять на десять, играла в волейбол. Маленькие визжали от восторга, играя в «слепых стрелков»: над дорожкой висели на нитках печенья, яблоки, конфеты; каждый мог их получить, если сумеет на всем ходу с завязанными глазами отрезать ножницами. Человек сорок плясали «татарочку». Они сходились в середину круга, задорно выкрикивали «ах-ха-ха!» и снова расходились.

У больших под горой была «рупор-газета». Пионер-комсомолец в большой картонный рупор гудел над тихой рекой: «В Германии идет гражданская война, фашистские банды нападают на рабочие собрания, громят коммунистические газеты и клубы. Правительство фон-Папена и социал-предатели помогают фашистским...»

Пионер Ваня Удалов, сидя на дереве, лихо высвистывал соловьиные трели.

— Эй, соловей! — кричали ребята. — Слезай в шашки играть.

За длинным столом, у павильона, играли в шахматы и шашки. У корпуса девочек читали вслух. Все были заняты. Все бегали, спорили, смеялись.

А Степа с Федей сидели в высокой крапиве, недалеко от сеновала. Они жгли себе руки, ноги, плечи и скрипели зубами от злости. Как только они пробовали высунуть нос к яме, так обязательно кто-нибудь мешал им: либо появлялась Бандура, либо ребята гнались друг за дружкой, либо Витя Дмитриев уныло взывал:

— Степа! Федя! Куда вы запрятались? Осерчали уж. Я ничего вам не сделал.

Но больше всего их допекало несколько одиночек, не принимавших участия в общей игре. Эти бродили как бледные тени без дум и без цели. Часто останавливались совсем близко и скучно болтали о всяких пустяках.

Так просидели они часа два, а может быть, три. Потом заиграл горн, и они пошли ужинать. После ужина снова залезли в крапиву. Большая часть ребят ушла вниз, к реке. Оттуда то и дело слышались крики, хохот, хлопанье в ладоши. Наверно, ребята декламировали стихи, рассказывали смешные и страшные истории, плясали, играли на всяких инструментах. Там не скучали. Нет, какая уж там скука! Это не то, что в крапиве сидеть и злиться на каждого прохожего.

— Зато у нас два миллиона,— сказал Степа.— Это, брат, тоже не игрушка. Только бы шляться перестали.

— Я думаю, там поменьше будет,— высчитал Федя.— Когда этот молодой женился, они же ведь свадьбу устроили. Ну и потратились здорово. Свадьбы у генералов, знаешь, какие бывали? Сам царь в гости приезжал и с ним тысячи генералов, чиновники всякие, купцы. Ты думаешь, их можно было накормить как в столовой — за два рубля?

— Ну что же? А мы ведь не считали еще лес, лен, хлеб. Слыхал, дедушка-то рассказывал? Хлеба, говорит, девать некуда было.

Помолчали. Каждый думал о своем — оказалось, об одном и том же, потому что оба вместе спросили друг дружку:

— Федя, что будешь делать на свой миллион?

— Степа, ты что купишь на свои деньги?

Первым на этот вопрос ответил Степа:

— Я, знаешь, что? Я куплю себе настоящий военный костюм, только маленький, чтобы как раз. Гимнастерку, брюки-галифе, сапоги. И четыре ромбика нашью из красного сукна, как у Ворошилова.

— И все? Чудак, это же сто рублей. А в миллионе, знаешь, сколько? Тысяча тысяч, и в каждой тысяче десять раз по столько.

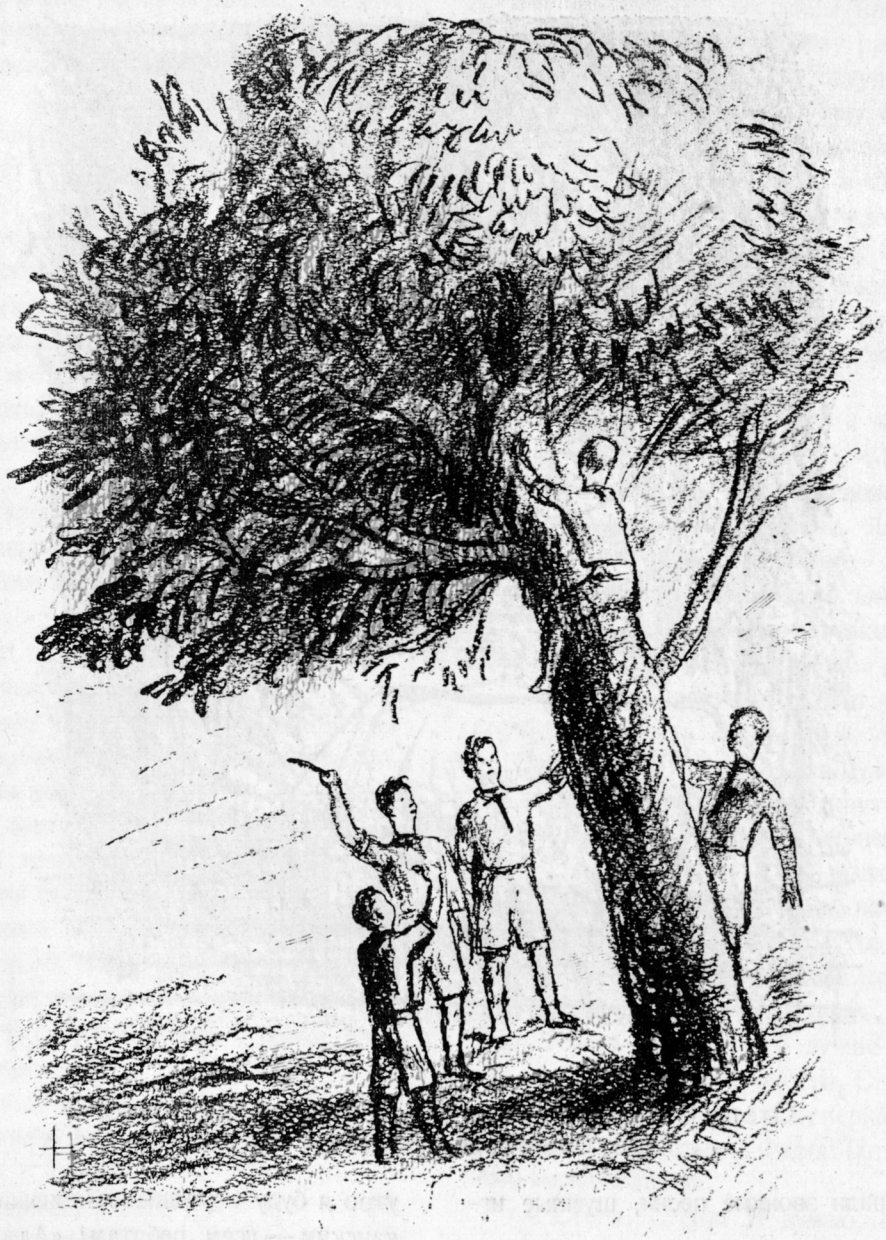
— Ну еще папе куплю, маме, Шурке. Братишкам и сестренкам маленьким...

Получалось страшно мало и, главное, неинтересно. Миллион, ослепительное богатство, превращался в несколько серепьких пальто и ботинок. Ну можно было еще купить велосипед, пирожных целую корзину, ну еще... Да нет, не то, не годится. Разве может все это сравниться по блеску и пышности с миллионом?

У Степы от стыда и досады горели уши. Он не знал, куда девать глаза. Федя ждал ответа. Голова Степы отчаянно работала, силясь придумать что-нибудь необыкновенное, сверкающее, такое, что дух захватило, и ничего не могла придумать.

Вдруг снизу, с реки, где шумели ребята, донеслась песня:

«Мы красная кавалерия, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ.



Ваня Удалов, сидя на дереве, высвистывал соловьиные трели.

О том, как в ночи ясные,
О том, как в дни ненастные
Мы смело и гордо в бой идем».

От этой песни как пламя от искры в голове Степы вспыхнула чудесная мысль. Он закричал так громко, что Феде пришлось ущипнуть его за плечо.

— Знаешь, что я сделаю?! Вот, слушай. Я куплю леса, камней и вон там, на том берегу, построю дом, такой красивый, как Дворец советов в Москве. Во сто раз лучше и больше генеральского. Тут, в лагере, мы сломаем все помещения, а на их месте построим другой дом, в точности такой же. Чтобы они смотрелись друг на дружку через реку.

«Веди ж, Буденный, нас к победе в бой.
Пусть наша кровь кипит.
Пускай пожар кругом.
Мы беззаветные герои все,
И вся-то наша жизнь есть борьба».

Под эту песню Степе очень легко было говорить.

— В оба дома поровну мы навезем самых лучших на свете книг, гармоний, балалаек, скрипок. Еще волейбольных мячей, сеток, шахмат, фотоаппаратов, винтовок, чтобы можно было какие хочешь кружки организовать. В один дом мы поместим всех пионеров из нашего города. Они будут тут жить зиму и лето. Тут будут и школы, и мастерские всякие, и коньки, и лыжи—все, что надо. Другие ребята увидят, как тут хорошо, и тоже в пионеры запишутся. Их мы поместим в тот дом, напротив. И тогда наш город разделится надвое: там будут большие, а тут маленькие. Наше место будет называться Ребячий город. Нет, лучше Светлый город, потому что в нем как будто вечно будет светить солнце. Такие все будут веселые!

Чудесное видение увлекло обоих. Они долго не могли говорить и дорисовывали воображением то, что не выговаривалось словами. Они видели огромный город-лагерь, залитый светом, весь в зелени, в цветах, с рекой посередине. Видели прекрасные залы, мастерские, площадки, наполненные дружно работающими горлас-

Степа открыл глаза и в сумерках увидел белого, закутанного в простыню Федю.

тыми ребятами. Слышали звонкие песни, шумные игры и пляски.

— Степа, а мы где будем? — спросил Федя.

— Как где? Там же, с ними.

— Ты же говорил, что не любишь лагеря, что дома лучше.

— Ну что ж! Мало ли что я говорю, значит, это все правда?

— А я...

— Нет, подожди, я еще не все сказал. Над плотом, где сейчас плакат висит, мы портрет повесим. Большущий! А на той стороне, как раз напротив, еще один портрет. Когда будут приезжать люди, они посмотрят налево и увидят: «Степан Зубков, строитель Светлого города». Направо оглянутся, а там: «Федор Савенков, строитель Светлого города»... Ну ладно, теперь ты говори.

— Я... Я то же самое хотел. Только ты всегда вперед залезаешь. Ну ничего, мы на той стороне еще третий дом построим. Ведь еще октябрята будут подрастать, им тоже место надо. Потом мы забыли про колхозных ребят. Нет, один дом еще обязательно надо. А если останутся деньги, я их истрачу, знаешь, как? Вот, тут на горке, мы поставим радиомачту, настоящую, чтобы весь мир мог нас слушать. И каждое утро я буду передавать немецким, английским, американским — всем ребятам: «Алло, алло, алло! Говорит Светлый город имени Ворошилова в СССР. Ну как, ребята? Вы еще не прогнали своих буржуев? Что же вы возитесь так долго? Прогоняйте скорей, тогда у вас будут такие же светлые города, как у нас».

— Федя, ты же говорил...

— Ах да, я... Нет, я радиостанцию не буду устраивать. Ненавижу радио. Заграничные ребята и без нас сделают что надо. А я лучше на остальные деньги куплю лошадей, чтобы каждому пионеру по коню было. Ох, и люблю я лошадей! Когда маленький был, меня папа возил на конский завод. Там нам показали одного текинца. Он был золотой масти. Он копытами землю рыл и раздувал ноздри.

— Ого, если бы таких коней нам, так мы бы, знаешь, какие игры военные устраивали?

— Ага! И еще можно бы... Эх, что же мы сидим? Все ушли, а мы... Скорей, наверно, сейчас линейка будет.

XII

Степа быстро разрыл дыру в яме настолько, что могло кое-как пролезть все его туловище. Для этого пришлось выломать еще один камень. Затем он велел

Феде смотреть в оба, а сам полез в подвал. Нащупал какую-то приступочку, хотел на нее стать, но почувствовал, что она зыблется под ним. Тогда он вылез и просунул голову.

В подвале было темно как ночью. Степе показалось, что оттуда несет тяжелым, спертым воздухом как из могилы.

Степа коленками уперся в бока дыры и повис вниз головой. Руками он снова нащупал приступочку. На ней лежало что-то мягкое, а в середине его жесткое и тяжелое. Степа приподнял это и узнал свой чулок. В этот момент коленки его устали держать, и он начал сползать вниз. Полочка, за которую он зацепился, прогнулась и затрещала. А дальше, внизу, была бездонная пропасть.

— Федя, Федя! — крикнул в отчаянии Степа, и от этого крика его прошиб холодный пот. Из подвала как из пустой бочки кто-то большой и страшный передразнил его: «Эа, эа!»

— Федя! — завопил он изо всей силы.— Держи меня за ноги! Скорей тащи! Да Федя же!!

Дыра из подвала была заткнута его же телом. Поэтому звуки наружу проникали слабо. Федя долго ничего не слышал. А когда услышал, степины вопли были совсем безумные, как будто его там резали на части большим ножом. Федя махнул в яму, увидал грязную пятку, сцапал ее обеими руками и потянул.

Весь в глине, бледный и чуть живой от страху, Степа рухнул на мусор. В руке у него был крепко зажат черный шерстяной чулок.

— Что там было? Ну что случилось? Скажи, Степа. Ты кого-нибудь увидел там?

— Там...— прошептал, наконец, Степа.— Там...— он скривил лицо в жалкую усмешку. — Там... Ничего там не было!

— А зачем же ты кричал тогда?

— Я испугался. Там гулко. Я сначала тихо крикнул, а оно отозвалось, эхо, наверно. Ну вот я и подумал...

— Эх, а еще хвастаешься, храбрый. Давай лучше я полезу.

— Все равно ты ничего не достанешь. Там дно очень далеко. Надо веревку или лестницу. Сейчас давай лучше спичку засветим и посмотрим, что там есть.

Из чулка достали коробок спичек. Федя всунулся в дыру и зажег. Слабо выступил из тьмы кусок каменной стены справа, какая-то загородка слева и прямо что-то круглое. А дальше, хоть весь коробок сожги, — ничего не видно.

— Да, тут без лестницы нельзя. Хорошо, что ты не свалился туда: всю голову разбил бы. А не разбил, так тебя не вытащить бы оттуда.

— Пойдем сейчас лестницу сделаем.

— Пойдем. Еще фонарик завтра исправим в техкружке. Да мы ведь завтра в колхоз.

— Ну что же, а мне не надо. Постановили же. Вы уйдете, а я тут... Вот хорошо! Целый день один. Еще дежурные будут, но ведь их мало останется.

— Ну, ты знаешь, Степа, ты лучше не лазай. Одному тут нельзя. Вдруг что-нибудь случится, кто тебе тогда поможет?

— Ты что, боишься, что я все себе заберу?

— Нет, не заберешь, а... Мало ли? Ну хорошо. слазай. Только дай честное слово пионерское, что ты ничего не тронешь без меня. Ладно? Ты только посмотри и потом расскажи мне.

На этом их застал горн. Они вставили на место оба камня, завалили дыру песком и мусором. Степа уже на бегу сказал:

— Честное пионерское! Вот увидишь. Мы же вместе будем строить.

Засыпая в этот вечер, он думал о Светлом городе. Он видел себя на золотом крутошеем коне во главе отряда лихих кавалеристов-пионеров. Этот отряд только что забрал в плен целый полк белых. И вот снизу, из-под копыт золотого коня, на Степку смотрит маленький как блоха Костя Шутов. Смотрит он восторженно-удивленно и тоненьким голоском пищит:

— Степа, разве я мог знать, что ты такой молодец? Теперь я вижу, что лучше тебя во всем лагере нет пионера. Ты меня прости, Степа. А Степа! Степа!

Он открыл глаза и в сумерках увидел белого, закутанного в простыню Федю. Тот наклонился над ним, взволнованно шепча:

— Степа, Степа! Я думаю, все-таки неправильно мы придумали про город.

— А что?

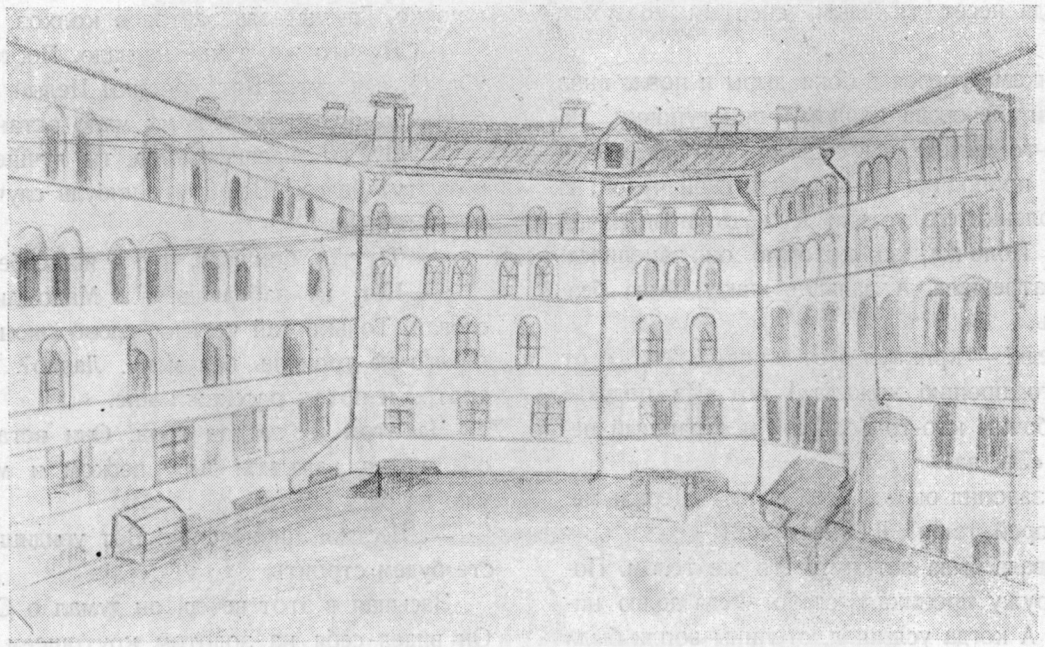
— Сначала надо постараться и... Ну как это? Завоевать, чтобы нас считали лучшими. А то мы как буржуи: заплатим деньги, и нам все простят.

Степа вскочил с кровати и сильно рванул к себе Федю за простыню.

— Я тебе... знаешь, за это? Всю голову разобью! Разве можно так говорить? Я же не немножко, а все отдам. И сам там буду. Только тогда мне легче будет завоевывать. А сейчас что бы я ни сделал, все равно скажут: врет он, притворяется. Если хочешь, так мы даже портретов не будем вешать, пускай плакаты висят...

(Продолжение следует)

ТЕЛЕФОН ВО ДВОРЕ



Сеть телефонных проводов опутала наш дом.

„Самодеятельный“ телефон

— Володька, пойдем ко мне по телефону разговаривать!—позвал меня как-то Юра Вахрамеев, мой одноклассник.

— Подумаешь, невидаль!

— Ну да невидаль. Телефон-то у меня особенный, «самодеятельный». Пойдем!

Пришли к Юрке. Он дал мне пару радионаушников.

— Слушай, я сейчас.

Через некоторое время слышу:

— Алло, Володя! Слышишь меня?

Повертел я трубки и догадался покричать в них:

— Здорово, Юрка! Я тебя хорошо слышу!

Покричал и опять к уху. Юрка отвечает:

— И я тебя хорошо слышу. Нравится тебе мой телефон?

Юрка вернулся и об'яснил мне, как он устроил свой телефон. Одна радиотрубка у него заземлена, а от другой телефонный провод идет через коридор и лестницу в соседнюю квартиру, к радиотрубке товарища.

Вот и весь немудрый телефон.

Я пришел в дикий восторг и решил дома с ребятами провести такой же телефон.

Оркестр в телефоне

Радиотрубки нашлись у всех ребят. Телефонный провод (брак) мы выпросили в мастерской во дворе. Мы протянули провода по коридорам и лестницам. Я соединился с Юрой Зайдлиным. Боря Резников захотел с Левкой разговаривать, и они провели свою сеть прямо по фасаду дома из окна в окно.

Провели, заземлили и разбежались разговаривать.

— Алло, Мишка! Слышишь?— спросил я в свой телефон. Приложил трубку к уху, думаю: сейчас Миша ответит. А мне в ухо целый оркестр шпарит!

Вот тебе и телефон! Радио, а не телефон!

Подумали мы, посоветовались и решили попробовать заземление снять. Сняли, а этот провод тоже к трубке провели, получилось так, что оба наушника одного телефона соединяются двумя проводами с наушниками другого.

Теперь уж радио не мешало нам разговаривать по телефону.

Неумолимый управдом

Радио не мешало, слышимость хорошая, но все-таки мы были недовольны: хочешь поговорить с товарищем, так иди сначала и предупреди его, чтобы трубки взял—слушать. Мы стали ломать голову, как устроить вызов в нашем телефоне. Думали: звонок провести электрический или колокольчик повесить—дернул за веревочку, зазвонит, значит, к телефону просят. И, наверно, мы бы выдумали что-нибудь, да в это время нашу затею управдом разрушил.

Разозлился. «Вы,—говорит,—штукатурку отбиваете»,—и давай провода срывать. Всю нашу телефонную сеть разрушил и тут действительно штукатурку сбил, а мы делали все хорошо и акуратно и ничего не попортили, когда проводили.

Жаловались мы в радиоотдел, но ничего не вышло. Уперся управдом на своем.

Теперь в нашем доме только у Бори и Левы остался телефон. Провода их проходят по фасаду. Наш управдом их не заметил.

Деткор ВОЛОДЯ РОГОВ

РЕБЯТА-ГЕРОИ

Коля Сидоренко

Коля Сидоренко вместе с братом собирали ягоды. Вася шел с одной стороны железнодорожного полотна, а брат — с другой. За насыпью его не было видно.

— Колька, — вдруг закричал брат, — я жабу поймал!

Коля побежал к брату смотреть жабу. Переходя через полотно, он вдруг увидел лопнувший рельс. Он сел и стал разглядывать трещину.

Отец Коли — путевой обходчик. Коля часто ходил с ним по путям и знал, что лопнувший рельс — дело серьезное. Он крикнул брату, чтобы тот бросил жабу и шел к нему.

Скоро должен был пройти поезд, и если бы он наехал на трещину, непременно было бы крушение, поэтому они решили, что брат побежит к отцу, а Коля останется у трещины, чтобы остановить поезд, если брат не успеет.

Коля остался один. Он сидел и ждал поезда.

Поезд не шел долго, долго. Коля решил, что брат успел добежать до будки. Вдруг из-за поворота донесся гудок, скоро показался и поезд. Он несся прямо на Колю.

Коля испугался. Ему всего девять лет, и роста он очень маленького. Он боялся, что машинист подумает, что он балуется и не остановит поезд. А тогда паровоз сойдет с рельсов и вагоны полезут друг на друга, как было в прошлом году. Только тогда поезд был товарный и шел очень медленно. А теперь идет курьерский, пассажирский. И если с ним случится крушение, будет перебито очень много народу.

Коля положил в сторону картуз с ягодами, встал на самом пути и замахал курткой.

А поезд несся прямо на него. Уже стало слышно, как свистит пар, и было ясно видно красную звезду на паровозе и машиниста, смотревшего в окно.

Паровоз стал давать частые и короткие гудки. Машинист заметил Колю, но не останавливал поезд. Он думал, что Коля нарочно стоит и машет курткой.

— А что, если не остановится, — подумал Коля, и ему стало страшно. Он уже хотел отбежать в сторону, но тут опять вспомнил прошлогоднее крушение и решил не уходить.

— Пусть лучше задавит, зато другие живы останутся, — решил он и еще чаще замахал курткой. Поезд был уже совсем близко.

Коля зажмурил глаза. Вдруг паровоз перестал гудеть, и Коля услышал, что поезд тормозит. Когда он открыл глаза, паровоз был совсем близко, и от него валил пар.

Машинист стал ругать Колю, но когда узнал в чем дело, похвалил его. Он показал ему паровоз и напоил чаем.

Через полчаса на дрезине приехала путевая бригада. Лопнувший рельс сменили, и поезд поехал дальше. Коля на паровозе доехал до станции. Только тут он вспомнил, что забыл на пути свой картуз, и сказал об этом начальнику станции.

— Ну, это не беда, — сказал начальник станции. И подарил Коле настоящий железнодорожный картуз с малиновым кантом и с красной звездой.

Картуз оказался немножко велик Коле, но это ничего. Когда Колю отправили в Артек, он так и поехал в этом картузе.

Крикор Калайджан

Крикор Калайджан жил в Гаграх. Он никогда не курил. Но когда осенью нордост принес к его дому запах свежих табачных листьев, Крикор задумался. Он знал, что табак — вещь дорогая и на нем можно поживиться.

Тогда он собрал товарищей и рассказал им свой план. Товарищи подумали и согласились. Правда, дело предстояло нелегкое, но они уже давно знали, что если Крикор говорит, значит, он сделает.

И вот однажды, поздней ночью, они вышли из домов, собрались все вместе и, крадучись, пошли к колхозному амбару. Они знали, что душистые связки табака лежат там.

Ночь была темная. Пока они шли по деревне, их никто не заметил. А когда до амбара было уже близко, Крикор остановил всех и шопотом велел одному подползти к амбару и посмотреть, где сторож. Разведчик ушел. Через десять минут он вернулся.

— Бабала лежит у амбара и храпит, — сказал он шопотом.

Бабала — сторож. Они все знали его и знали, что если уж Бабала храпит, то его трудно разбудить.

— Ну пошли, только не шуметь, — скомандовал Крикор, и они подошли к амбару. Крикор сам снял деревянный засов, которым был заперт амбар. В амбаре было темно. Ощупью Крикор нашел табак и, взяв

три связки желтых пахучих листьев, велел выносить их. Вдруг в другом конце амбара заржала лошадь.

Все замерли. Но Бабала не проснулся. Крикор решил заодно увести и лошадь. Но в темноте он ошибся и попал в другое стойло. Там стояли два рабочих быка.

— Ведите быков, — сказал Крикор, а сам пошел в соседнее стойло. Отвязав лошадь, он повел ее и, уже выходя из амбара, прихватил два хомута, висевших на стене.

Все вышли, задвинули засов и пошли к деревне. Проходя мимо спящего сторожа, Крикор шопотом обругал его лодырем.

Когда они пришли в милицию, начальник спросонья долго не мог понять, в чем дело. Будивший его милиционер что-то напутал, и начальник подумал, что поймали настоящих бандитов. Поэтому он очень удивился, когда увидел, что «бандиты» все маленькие и все с красными пионерскими галстуками. Крикор рассказал ему, как было дело, и начальник расхохотался.

Потом он отпустил всех ребят, а Бабалу приказал на утро арестовать.

— С таким сторожем и в самом деле все колхозное добро разворуют,—сказал он, уходя спать.

Наутро это стало известно всему колхозу. Колхозники наперебой хвалили Крикора Калайджана и его бригаду «легкой кавалерии», совершившую ночной налет.

С тех пор пионеры сами стали дежурить у табачных сараев. Колхозники спали спокойно и не боялись, что настоящие воры украдут дорогой табак, в который за лето было вложено столько труда.

Когда со всего Союза собрали двести лучших пионеров, чтобы послать в Артек на отдых, среди них оказался и Крикор Калайджан.

Он попал туда по праву. Не даром он лучший общественник-пионер, не даром он вожатый звена и не даром он лучший ударник учебы, получивший по всем предметам «хорошо» и «отлично».

НЕПРОИЗНЕСЕННАЯ ИЗ-ЗА ДОЖДЯ РЕЧЬ ДОКТОРА ЗВЕНОВОГО У КОСТРА ПИОНЕРСКОГО ЛАГЕРЯ

Уважаемые друзья!

Сегодня в вашем лагере я увидел нечто такое, чего я не видел еще ни в одном лагере, ни в одном отряде. А лагерей и отрядов я видел столько, сколько волос на голове у каждого из вас. Ну, может быть, чуть-чуть поменьше.

КАПИТАН — ДЕЗЕРТИР

Сегодня, когда вы играли в волейбол с гостями из соседнего лагеря, когда зрители при каждом удачном ударе подпрыгивали, как будто сидели на раскаленной сковороде, капитан вашей команды повел себя очень странно. Он сердито закричал что-то, замахал руками как мельница, убежал с поля и уселся среди зрителей. Его спросили: что это значит? Он об'явил, что не будет играть, потому что его партнеры не дают ему брать мячей, а пешкой он быть не хочет.

Игра продолжалась без капитана.

Я даже протер глаза: может быть, мне это показалось? Нет, капитан гордо сидел среди зрителей.

Вместо того чтобы руководить каждым игроком и всей командой, капитан сбежал с поля. У него не хватило выдержки бороться до конца. Если у него не хватило выдержки в такой исторический для лагеря момент, то может ли он быть хорошим вожатым звена, хорошим организатором повседневной работы? Для того чтобы ответить «нет», не надо думать ни секунды. И я вижу, что многие звеновые похожи на этого капитана.

Выдержка, уменье довести до конца дело—первое качество звенового. Нет такого трудного положения, из которого с помощью выдержки нельзя было бы выйти.

И когда я слышу, как вожатый звена говорит, как этот капитан волейбольной команды:

— Меня ребята не слушаются...

— Я не могу этого сделать...

Я думаю: «Эх, приятель, просто ты не умеешь добиваться чего хочешь. У тебя нет силы воли».

ТЕМНАЯ КОМНАТА

Один пионер мне признался:

— Боюсь входить в пустую темную комнату. Мне все кажется, что кто-то прыгнет на меня или выскочит из темноты. Я знаю, что все это глупости, а все-таки боюсь. Вот я и вздумал учиться храбрости: стал нарочно медленно, не оглядываясь, входить в темную комнату. Дойду до стены, повернусь, а потом—тут самое страшное—медленно иду обратно. Ой, как хочется бежать «сломя голову», а я нарочно медленно иду. Так и приучил себя не бояться...

Вот парень сумел преодолеть свой страх. А другой на его месте так и остался бы трусом.

Но я знаю и другой случай: одна пионерка хотела показать свою сильную волю, но вышло наоборот.

САМОЛЮБИВАЯ ПИОНЕРКА

В одном московском отряде на занятии химического кружка пионерка приготовляла в пробирке какую-то химическую смесь. В это время у ребят зашел разговор о силе воли. Пионерка всегда хвасталась своей волей, расхвасталась и тут. А ребята давай ее дразнить:

—А вот из пробирки не выпьешь...

—Не выпью?—и опрокинула пробирку в рот. А выпив, грохнулась на пол. Вызвали карету скорой помощи, промыли желудок и два дня держали в постели.

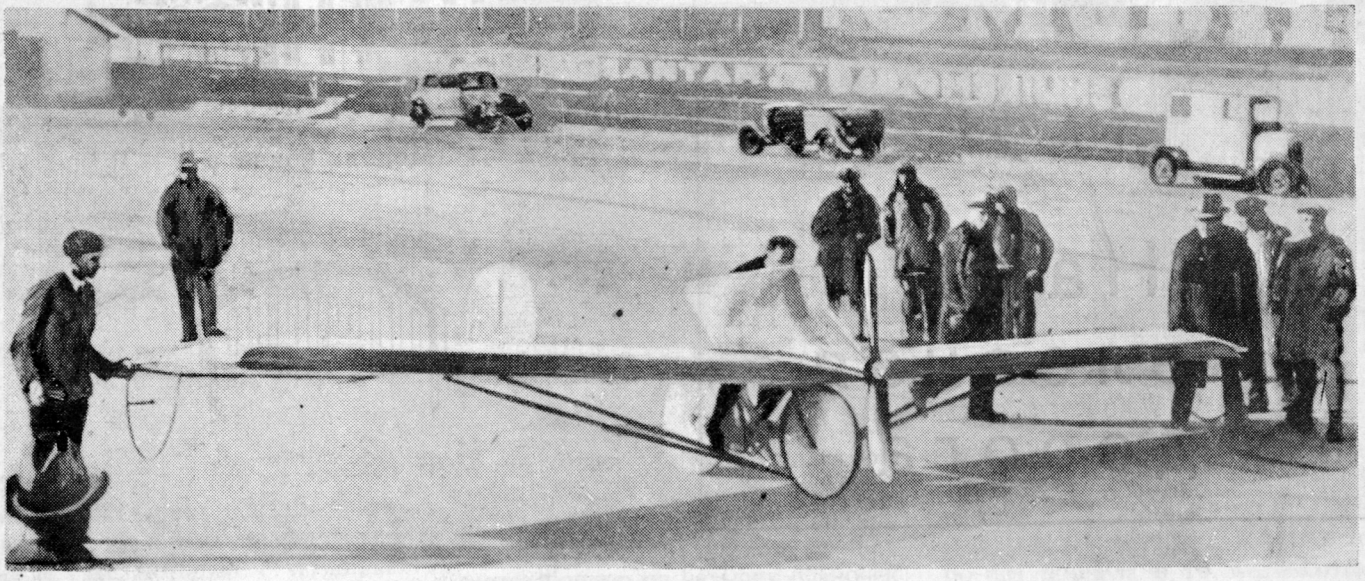
Что же доказала она своим поступком? Конечно, не силу своей воли, а ее слабость. Она не сумела дать отпор насмешкам ребят, а, наоборот, подчинилась им и выполнила то, что они хотели.

Товарищ Сталин говорил, что в любом деле победа сама не приходит: ее надо притащить за шиворот.

Звеновые, у которых нет силы воли, как раз и не смогут ухватить победу за шиворот и будут только ныть, что у них ничего не выходит.

ДВЕ ЗАДАЧИ

ЛЕТАЮЩИЙ ВЕЛОСИПЕД

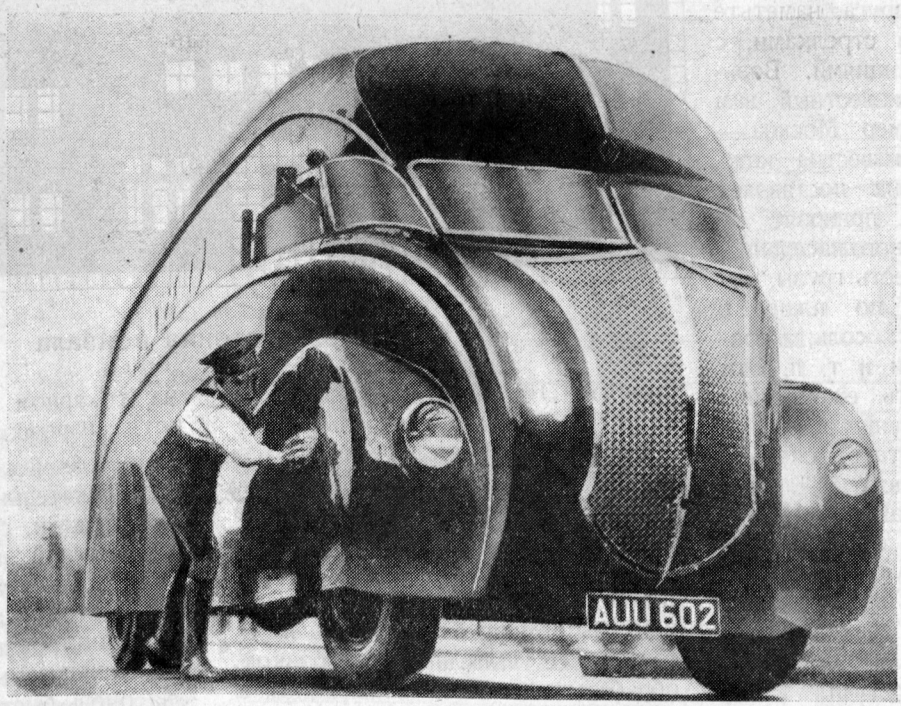


Циклоплан — новый летательный аппарат. Этот аппарат построен во Франции. На испытаниях он бежал по земле со скоростью 30 километров в час, но подняться на воздух не смог.

Нам прислали фотографию без об'яснений, но по названию аппарата и по его виду мы поняли, что циклоплан — это летающий велосипед. На фотографии легко можно рассмотреть колеса, педали, человека в позе велосипедиста.

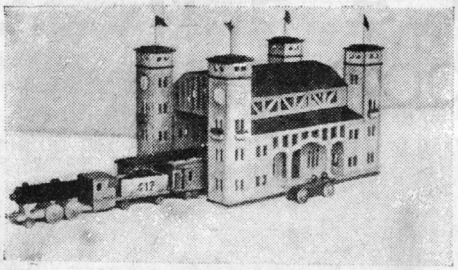
Вот задача для наших моделистов: как построен этот летающий велосипед, почему он не поднялся в воздух, и что нужно сделать, чтобы он взлетел? Шлите свои проекты.

ЗАДОМ НАПЕРЕД



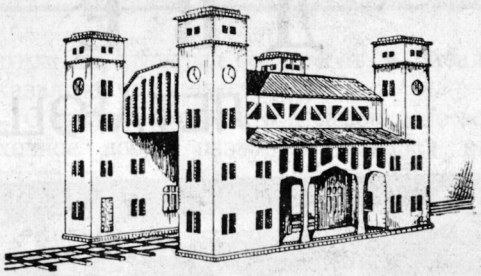
Один инженер уверял нас, что если автомобиль пустить задом наперед, то он по той же дороге и при том же встречном ветре будет двигаться на 25% быстрее. Мы не смогли проверить его слов на практике: ни один шофер не согласился ехать задом наперед и ломать машину.

Когда мы получили из Америки эту фотографию, мы решили, что наш инженер в чем-то прав. Это грузовик-двухтонка, построенный в Англии, снят передом к зрителю, но если бы не фонари впереди, можно было бы подумать, что он снят сзади. Почему у автобуса такая странная форма? Ждем ответа от автодоровцев и строителей педальных автомобилей.

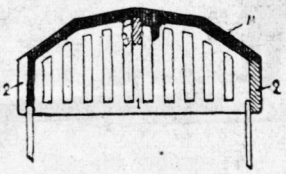


С. Б.

Наша железная дорога



Модель вокзала

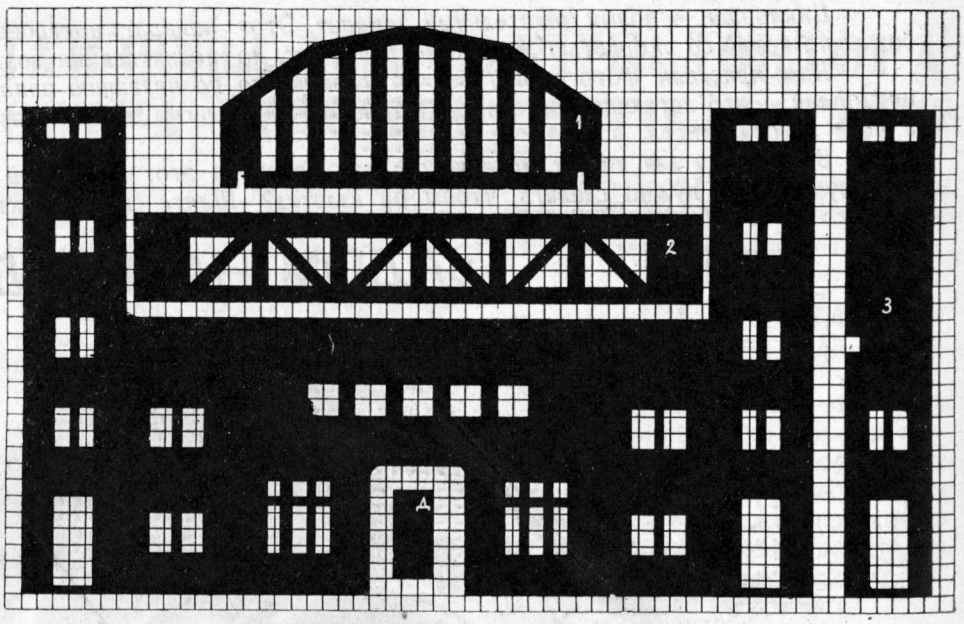


Постройте себе железную дорогу и учитесь на простых моделях управлять транспортом. Сделайте два вокзала для конечных станций, несколько паровозов, побольше вагонов по чертежам и рисункам, сделайте семафоры, поворотные круги для паровозов, стрелочные будки, мосты и тоннели, обзаведитесь всем железнодорожным хозяйством.

Вокзалы поставьте на большом расстоянии друг от друга, наметьте путь с раз'ездами и стрелками, с промежуточными станциями. Возьмите какой-нибудь известный вам отрезок пути, например Москва — Тула, узнайте, чем известна каждая станция, что она поставляет стране, какие грузы привозят на эту станцию для местного населения, и т. д. Помните, что есть грузы, которые доставляются по плану в каждый жилой пункт: соль, керосин, ботинки, калоши и т. п. Эти товары надо завозить ежемесячно на месячное потребление всего населения: надо рассчитать, сколько чего и когда доставлять. Вблизи станции часто бывают совхозы, колхозы, заводы. На станции надо оставлять соответствующее количество вагонов, чтобы вывезти продукцию колхозов и совхозов, отправляя эти вагоны с маршрутными или транзитными поездами.

Таким образом с помощью железной дороги вы изучите и местный край. Давайте теперь создавать свое железнодорожное хозяйство!

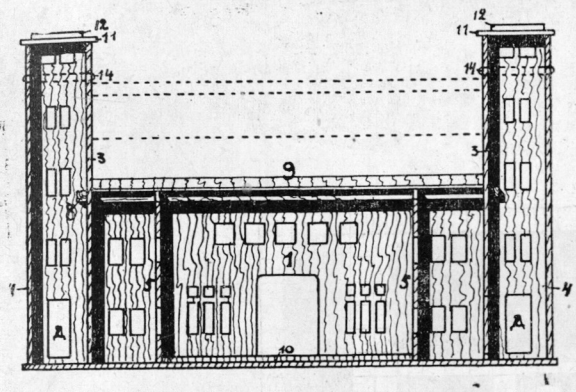
Чертежи отдельных деталей изображены у нас в сетке. Каждая ячейка соответствует одному сантиметру. Это дает возможность перенести чертеж в натуральную величину на отструганную доску или фанеру. Для этого надо на доске начертить сетку, каждая клеточка которой равнялась бы квадратному сантиметру. Затем, в сетку срисовываются по клеточкам чертежа контуры детали. Когда деталь нарисована, ее выпиливают лобзиком, обрабатывают бока напильником и тонким наждаком очищают поверхность. Все детали сбиваются гвоздиками или склеиваются.



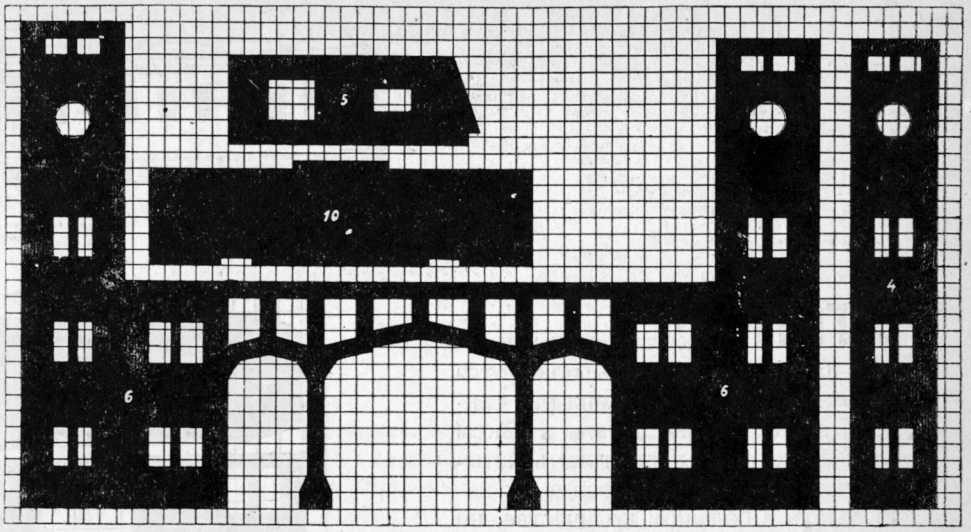
Первая стенка вокзала

Материалом служит сухое дерево, главным образом дощечки в 1 см толщиной, фанера (переклейка) 5 мм толщиной, брусочки показанного сечения и кругляки, обточенные на токарном станке, для колес и котла паровоза.

Прежде чем окрасить детали, их надо тщательно отделать наждачной бумагой, сперва крупной, а потом мелкой и покрыть горячим жидко разведенным столярным клеем. Поверх клея краска ложится хорошим, ровным слоем. Лучше всего окрашивать эмалевой краской: она очень быстро сохнет и остается блестящей, что особенно важно для металлических частей, для паровоза, колес и пр. Вокзал лучше всего окрасить в бледножелтый цвет с белыми полосками вокруг окон (наличники), с зеленой крышей и белыми циферблатами часов, окруженными черным ободком.



Этот чертеж показывает, как сбивать детали.



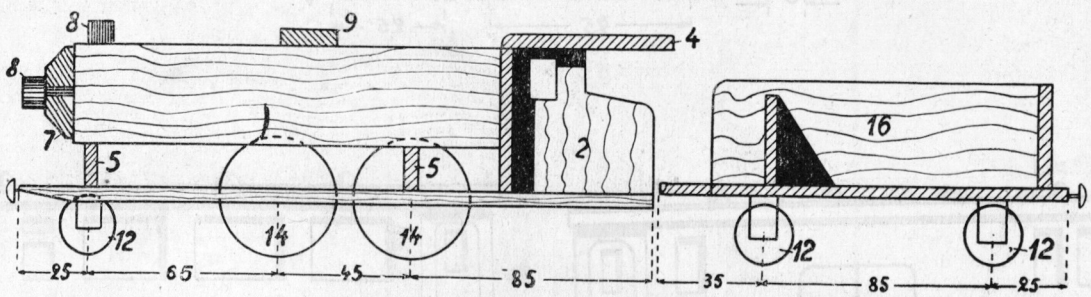
Стена вокзала с аркой.

Вокзал. Стены вокзала выпиливаются из пятимиллиметровой фанеры, на которую с помощью сетки наносятся контуры всех деталей. Стенка 1 (с дверью) выпиливается трижды, стенка 6 (с аркой)—один раз, узкие стенки башни 3 и 4—по две штуки.

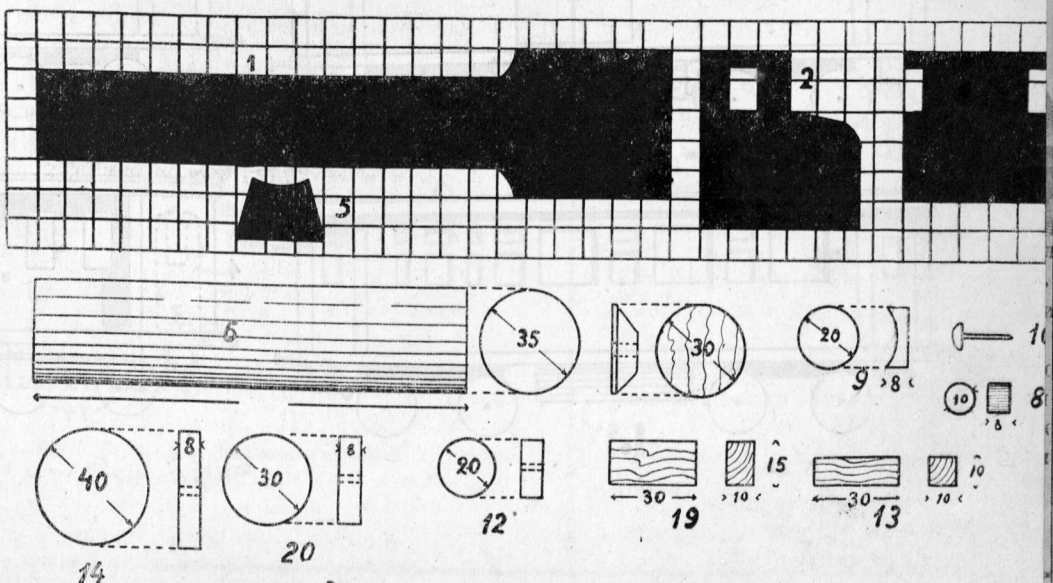
Сперва надо собрать флигеля на доске 510 × 75 мм (деталь 7), прибить к стене 1 боковины 3 и 4, подкосы 5 и продольную балку 400 мм длины, 10 × 10 сечения, и вторая стенка закрывает все сверху. Крыша башен делается из двух фанерок 75 × 75 и 55 × 55 мм (детали 11 и 12), а несколько выше часов, под верхними окнами, прибивается бордюр из четырех планочек на каждую башню, длиной каждая 75 мм с полукруглым сечением и высотой 5 мм. Так же сбивается второй флигель с той разницей, что передняя стена с аркой. Можно стены с аркой поставить с обоих боков фасада, тогда обе стены выпиливаются по паре.

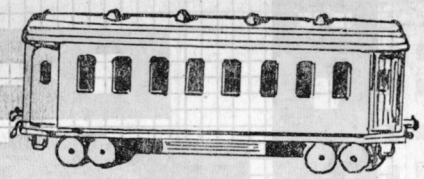
Крыша эстакады собирается отдельно. Передняя и задняя решотки эстакады (1) сбиваются с боковыми фермами (2 — 2) и с продольным брусом в середине (3), имеющим размеры 360 × 30 × 10 мм. Передняя и задняя решотки имеют внизу по два пропила в 10 мм высоты и 5 мм ширины. Этими пропилами крыша эстакады садится на внутренние стенки обоих боковых флигелей.

Крыша (4) делается из плотного картона, который наклеивают или прибивают мелкими гвоздиками, а затем окрашивают. Все детали и подробности сборки изображены на рисунках и понятны из общего вида здания.



Паровоз. Основная доска паровоза (деталь 1) выпиливается из доски в 1 см толщиной, так же как и поддержка котла 5, остальные из 5-мм фанеры; при этом детали 2— по два раза. Котел паровоза вытачивается в круглую болванку длиной 150 мм и диаметром 35 мм, деталь 7—головка большой швейной катушки, колеса нарезываются из круглой точеной палки. Деталь 4 имеет размеры 60 × 60 мм; 15 — 55 × 140; 16 — 35 × 120; 17 — 30 × 40 и 18—35 × 40—все из 5-мм фанеры-переклейки. Сборка паровоза совершенно ясна из чертежа, где все детали обозначены номерами.

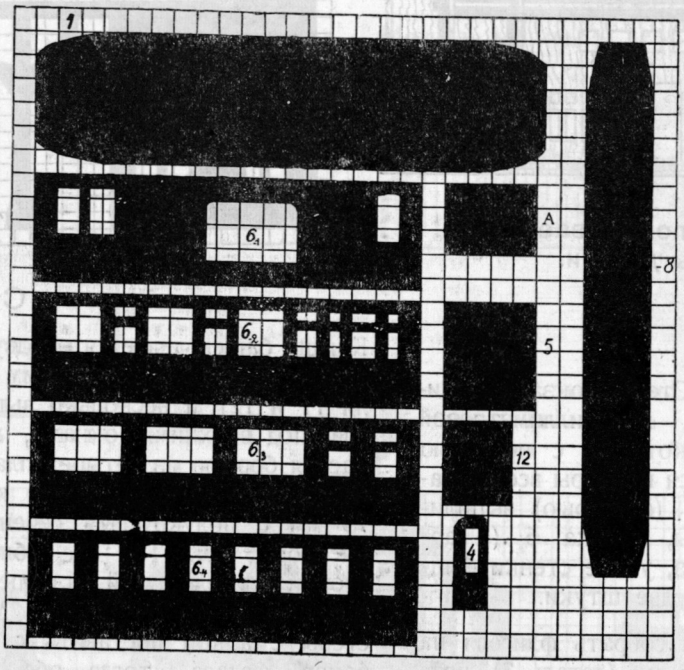


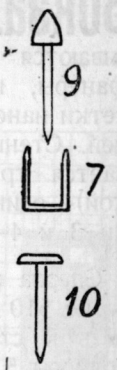


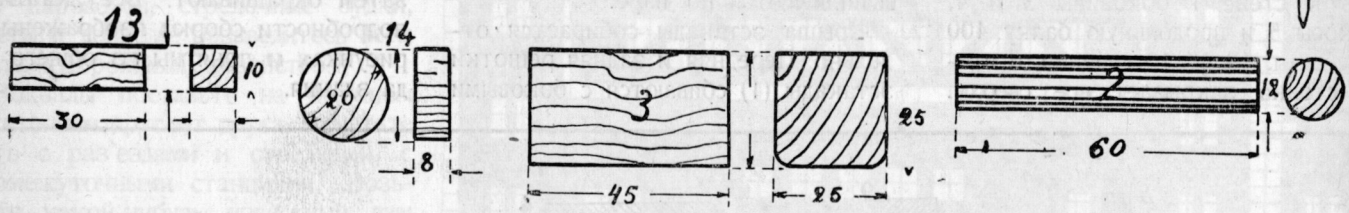
Вагоны.

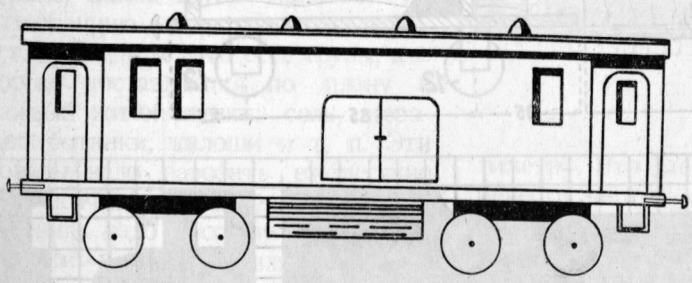
Боковые стены вагонов: 6_1, 6_2, 6_3, 6_4 — выпиливаются из фанеры по два экземпляра, также и все остальные детали в таком количестве, чтобы изготовить четыре типа вагонов. Для поезда их надо делать в большом количестве, но типы будут повторяться (товарный состав мы дадим в дальнейшем); на детали 4, 7, 10 и 13 идет по четыре катушки на вагон; на 3, 12—по две. Когда все детали выпилены, сборка вагонов по чертежам не представляет уже никакого труда.

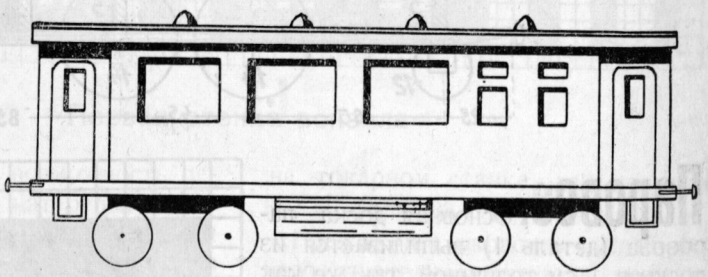
Сцепление вагонов ведется крючками из проволоки, прикрепленными с одной стороны вагонов в середине доски 1; с другой стороны каждого вагона в этой же доске просверлена соответственная дыра.

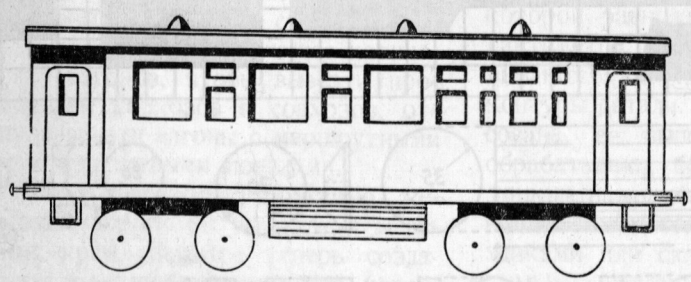


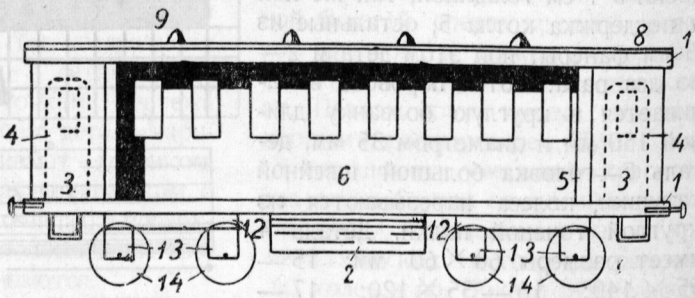








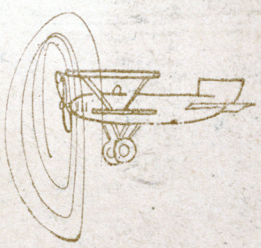




Тут-Итам моделист

Рис. А. Каневского

1



Посмотрел Тут-Итам на небо и решил соорудить самолет-ракету.

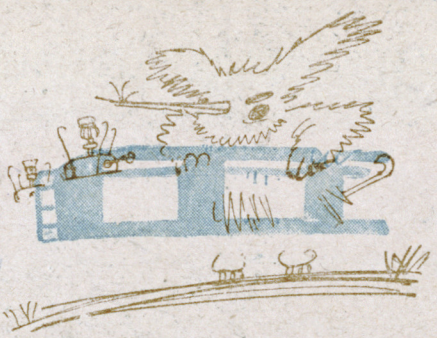
— Построю, — подумал он, — а там и в Артек махну, в пионерский лагерь. Вот обрадуются!

2

Тут-Итам долго сидел над чертежами и придумывал новый тип самолета.

— Ба! — вдруг закричал он. — Блестящая мысль! Вместо мотора я поставлю два примуса, а бензин заменю керосином. Это и дешевле и проще.

3



Тут-Итам произвел вычисления, и оказалось, что этажерка для книг вполне может служить фюзеляжем.

— Отлично! — сказал Тут-Итам и принялся за дело.

4

Для большей устойчивости он приделал к самолету старый зонт и намалевал на нем марку «Тут-I».

5

— Но где взять колеса для шасси? — сказал Тут-Итам и задумался. Вдруг послышались скрип и скрежет. Это мчался на старом трехколесном велосипеде толстый мальчуган.

— На ловца и зверь бежит! — закричал Тут-Итам и тотчас же отнял у мальчугана велосипед, снял с него колеса и приделал к своему самолету.—Ну, теперь это настоящий двухпримусный самолет типа «амфибия».

6

Устроив сиденье из простой табуретки, Тут-Итам решил сделать пробный полет. Зашипели примусы, заклубились дым и копоть, сбежался народ, а самолет не поднялся.

— Неважно! — сказал Тут-Итам. — Здесь не летает, а в Артеке будет летать.

7

Тут-Итам упаковал самолет в ящик, погрузил его в поезд, а сам надел шлем и очки и сел в мягкий вагон.

8

В Артеке, как и предполагал Тут-Итам, ему очень обрадовались. Пионеры-авиомоделисты осмотрели самолет и сказали:

— Вот так модель! Жаль, что она не может летать. Но не унывай, Тут-Итам. Мы разберем его на части и откроем хороший универмаг.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „П
Сдан в набор 9/VIII—34 г., подписан к печати 17/IX—34 г. Изд. № 940. Формат 1¼ 62×94 см. 1¼ б. л. 135 000 п. зн. в бум. л.

Цена 50 коп.